ЦИФРОВОЙ КОНЦЛАГЕРЬ

КОД ХАОСА

АЛЕКСАНДР ПАРКЕР

Цифровой концлагерь: код хаоса

Александр Паркер

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Эпидемия в рекомендациях

Глава 2. Биологическая ловушка

Глава 3. Портрет создателя

Глава 4. Пазловое кодирование

Глава 5. Анатомия ненависти

Глава 6. Международная паутина

Глава 7. Экспертиза как террор

Глава 8. Информационный террор

Глава 9. Прецедент

Пролог

Смартфон светился в темноте спальни, выхватывая из полумрака лицо пятнадцатилетнего Кирилла. Было три часа ночи. За окном монотонно шумел осенний дождь, но парень не слышал его. Его пальцы совершали одно и то же механическое движение — короткий свайп вверх, доля секунды на оценку, следующий свайп.

Два часа назад всё начиналось безобидно. Алгоритм подсовывал ему забавные ролики с котами, обзоры футбольных матчей и рецепты быстрых десертов. Кирилл улыбался, задерживал взгляд на несколько секунд, и система послушно фиксировала эти микрореакции. Миллисекунды задержки на кадре, глубина прокрутки, траектория движения пальца — всё это уходило на удалённые серверы, где бездушный математический код выстраивал его цифровой портрет.

Затем тональность ленты незаметно изменилась.

Среди ярких видео замелькали другие кадры. Короткие, тусклые, под меланхоличную музыку.

«Тебе кажется, что ты здесь лишний?» — гласила надпись на фоне серого дождливого города.

Кирилл нахмурился, но не пролистнул. Алгоритм зафиксировал пятисекундную паузу.

Следующий ролик: «Родители думают, что знают тебя. Но им всё равно».

Ещё один свайп. «Физическая боль заглушает душевную. Это просто способ почувствовать себя живым». На экране на мгновение промелькнули тонкие шрамы на запястье.

Кирилл почувствовал, как внутри шевельнулось странное, липкое чувство узнавания. Система не просто предлагала контент — она словно заглядывала в самые тёмные уголки его сознания, вытаскивая наружу подростковое одиночество, обиду на отца и страх перед будущим. Он хотел закрыть

приложение, но палец сам потянулся к экрану. Лента затягивала его всё глубже, превращаясь в бесконечный туннель, из которого не было выхода.

Глава 1. Эпидемия в рекомендациях

Осенний Петербург за окном кабинета казался нарисованным тушью на мокром сером картоне. Дождь, начавшийся еще на рассвете, к четырем часам дня превратился в плотную взвесь, которая оседала на стеклах и превращала свет уличных фонарей в размытые желтые пятна.

Елена Зорина потерла переносицу, чувствуя, как под кожей пульсирует привычная тупая боль — следствие многочасового напряжения. На ее рабочем столе, под мягким светом зеленой лампы, лежала раскрытая медицинская карта. Пятнадцатая за эту неделю.

Напротив нее, на глубоком кожаном диване, сидела шестнадцатилетняя Софья Воронова. Девочка была одета в безразмерное черное худи, рукава которого она настойчиво натягивала на пальцы, словно пытаясь полностью исчезнуть в этой плотной хлопковой броне. Ее мать, бледная женщина с уставшими глазами, сидела на самом краю соседнего стула, судорожно сжимая в руках влажный носовой платок.

— Соня, посмотри на меня, пожалуйста, — тихо произнесла Елена. Ее голос, ровный и мягкий, годами нарабатывался как профессиональный инструмент, способный заземлить пациента в состоянии самого острого кризиса.

Девочка медленно подняла голову. В ее взгляде не было ни злости, ни подросткового бунта. Только бесконечная, вымороженная пустота, которая пугала Елену гораздо сильнее, чем любые проявления агрессии.

— Расскажи мне про вчерашний вечер, — попросила Елена. — Что произошло перед тем, как ты взяла лезвие?

Софья пожала плечами. Движение вышло механическим, похожим на жест сломанной куклы.

— Ничего не произошло. Просто… всё стало слишком громким. И бессмысленным. Я просто хотела, чтобы это прекратилось.

— Что именно должно было прекратиться?

— Шум, — Софья наконец вытащила правую руку из рукава худи, чтобы поправить волосы.

Елена невольно зафиксировала взгляд на ее запястье. Под свежими, еще розовыми полосами пластыря угадывались старые, уже побелевшие рубцы. Они шли параллельными линиями, похожими на штрих-код.

— Этот шум… он был в твоей голове? Или в телефоне? — спросила Елена, осторожно нащупывая границу.

Мать девочки всхлипнула, закрыв лицо руками. Софья же лишь посмотрела на свой смартфон, лежащий на журнальном столике экраном вниз. Телефон беззвучно завибрировал, на мгновение осветив полированную поверхность дерева коротким синим сполохом уведомления. Девочка инстинктивно дернулась к нему, но сдержалась.

— Он везде, — тихо ответила Софья. — Он просто не останавливается.

После того как Вороновы ушли, Елена долго сидела неподвижно, глядя на закрытую дверь. Как специалист по клинической психологии и реабилитологии, она знала природу подросткового кризиса до мельчайших деталей. Она защитила диссертацию по депрессивным состояниям у несовершеннолетних и прекрасно понимала, как работает мозг в этот сложный период.

Биологическая уязвимость подростков — это не вопрос плохого воспитания или слабого характера. Это чистая физиология. Префронтальная кора головного мозга, отвечающая за долгосрочное планирование, оценку рисков, волевой контроль и критическое мышление, завершает свое формирование последней — часто только к двадцати пяти годам. В то же время лимбическая система, управляющая эмоциями, страхом и поиском удовольствий, у подростков уже работает на полную мощность. Этот дисбаланс делает их невероятно чувствительными к любому внешнему одобрению или отвержению. Они

буквально не способны затормозить эмоциональный импульс так, как это делают взрослые. И именно эта незрелость префронтальной коры превращает их в более уязвимую мишень для внешнего воздействия.

Но то, с чем Елена сталкивалась последние полгода, выходило за рамки обычной возрастной психопатологии. Это не было спонтанным всплеском гормонов. Это выглядело как спланированная, методичная осада.

Она открыла свой рабочий журнал. За последние три месяца к ней обратились двадцать семь семей с практически идентичными симптомами у детей: внезапная изоляция, потеря интереса к учебе, тяжелые нарушения сна, перерастающие в хроническую тревожность, и, как финал, самоповреждения. И у всех этих историй был один и тот же цифровой след.

Через три дня Елена стояла в коридоре Василеостровского районного суда. Высокие арочные окна пропускали слишком мало света, и тусклые люстры под потолком оставляли углы коридора в глубокой тени.

Здесь слушалось гражданское дело по иску семьи четырнадцатилетней Юлии Смирновой к представительству крупной технологической платформы «PulseNet». Юля погибла три месяца назад. Ее нашли в собственной комнате после того, как она в течение полугода практически не выпускала из рук телефон.

Елена выступала на процессе в качестве независимого эксперта-психолога. Она провела несколько дней, изучая материалы дела, включая посмертную психолого-психиатрическую экспертизу и выгрузку активности девочки в социальной сети.

Зал судебного заседания был небольшим и душным. На деревянных скамьях для публики сидели лишь несколько журналистов местных изданий и родители Юли — почерневшие от горя люди, которые казались уменьшившимися в размерах под тяжестью своего несчастья.

Напротив них, за столом ответчика, сидели двое мужчин в безупречно скроенных темно-синих костюмах. Их лица выражали вежливое, профессиональное сочувствие, за которым скрывалась абсолютная, железобетонная уверенность в своей неуязвимости. Это были ведущие юристы корпорации.

— Уважаемый суд, — говорил старший из адвокатов, мужчина с аккуратной сединой на висках и мягким, усыпляющим баритоном. — Мы глубоко соболезнуем утрате истцов. Это ужасная трагедия. Однако мы вынуждены указать на полное отсутствие причинно-следственной связи между работой рекомендательных алгоритмов нашей платформы и действиями несовершеннолетней.

Он перелистнул страницу лежащего перед ним документа.

— Платформа «PulseNet» является исключительно нейтральным техническим посредником. Алгоритм не создает контент. Он лишь оптимизирует выдачу на основе предпочтений самого пользователя. Если пользователь проявляет интерес к определенной тематике, система предлагает ему схожие материалы. Это стандартная практика для всей индустрии. Мы не можем контролировать психологическое состояние миллионов пользователей. Ответственность за душевное здоровье ребенка и контроль за его поведением в сети лежат исключительно на родителях.

Елена почувствовала, как у нее перехватило дыхание от этой ледяной, юридически выверенной демагогии. Она поднялась со своего места, когда судья предоставила ей слово.

— Позвольте возразить, — произнесла она, стараясь, чтобы ее голос звучал максимально твердо. — Называть эти алгоритмы «нейтральными» — значит сознательно вводить суд в заблуждение. Мы имеем дело не с пассивным зеркалом, а с активным инструментом воздействия. Негативные новости, деструктивный контент, эстетизированные изображения насилия и самоповреждений оказывают прямое криминогенное и психосоматическое воздействие на здоровье человека. Это доказано многочисленными клиническими исследованиями. У подростков под влиянием такого контента резко возрастает уровень тревожности, разрушаются естественные механизмы психологической защиты, что напрямую провоцирует тяжелые депрессивные состояния. Алгоритм не просто предлагает то, что ищет ребенок. Он создает замкнутую информационную петлю, из которой незрелая психика выбраться самостоятельно не в состоянии.

Адвокат ответчика снисходительно улыбнулся, даже не повернувшись в ее сторону.

— Это интересная теоретическая концепция, доктор Зорина. Однако закон оперирует фактами, а не психологическими гипотезами. В действующем законодательстве отсутствует само определение «алгоритмического воздействия» как источника опасности. Нет ни одного правового механизма, который позволял бы квалифицировать математический код как орудие причинения вреда. Платформа полностью соблюдает все требования действующего законодательства.

Судья — немолодая женщина с грустным лицом, на котором читалось искреннее сочувствие к родителям погибшей девочки и одновременно глубокое юридическое бессилие — вздохнула. Она долго изучала представленные документы, после чего зачитала решение.

В удовлетворении иска было отказано.

Существующие юридические механизмы просто не позволяли привлечь владельцев платформ к ответственности. Закон требовал физического действия, прямого умысла конкретного человека, осязаемого оружия. Перед лицом невидимых математических формул, которые медленно разрушали человеческий мозг изнутри, правовая система оказалась абсолютно слепой и беспомощной.

Когда зал заседаний начал пустеть, Елена осталась сидеть на скамье. У нее не было сил даже на то, чтобы собрать бумаги в сумку. Чувство глубокой несправедливости и собственного бессилия давило на плечи физической тяжестью.

— Они никогда не признают это добровольно, — раздался рядом спокойный, чуть хрипловатый голос.

Елена вздрогнула и повернула голову. На скамью рядом с ней присел мужчина лет пятидесяти. На нем был простой, слегка помятый серый пиджак поверх темной водолазки. Лицо мужчины, изрезанное глубокими мимическими морщинами, казалось усталым, но взгляд серых глаз был на удивление цепким и живым.

— Простите? — переспросила Елена.

— Я говорю о юристах корпорации, — мужчина протянул ей руку. — Виктор Орлов. В прошлом — следователь по особо важным делам, сейчас занимаюсь независимыми расследованиями и правозащитной деятельностью. Я наблюдал за вами во время процесса. Вы отлично держались. Жаль только, что в этом зале ваши аргументы никто не мог услышать.

— Почему? — Елена пожала его крепкую, сухую ладонь.

— Потому что судья судит по букве закона, а буква эта безнадежно устарела, — Виктор горько усмехнулся. — Наш уголовный и гражданский кодексы писались в эпоху, когда самым сложным техническим устройством в быту был стационарный телефон. Они не понимают, что такое информационное воздействие. Для них опасность — это когда бьют кирпичом по голове. А то, что можно уничтожить человека, просто показывая ему определенные картинки в определенной последовательности — это для них фантастика.

— Вы тоже это видите? — Елена внимательно посмотрела на него.

— Я вижу это каждый день в своей практике, — лицо Виктора стало серьезным. — Только с другой стороны. Вы видите пациентов в клинике, а я вижу статистику происшествий. За последний год в нашем регионе произошел необъяснимый всплеск подростковой агрессии. Дети из абсолютно благополучных семей вдруг совершают немотивированные нападения на сверстников, калечат себя, уходят из дома. И когда начинаешь копаться в их телефонах, понимаешь, что все они прошли через одну и ту же цифровую мясорубку. У вас есть время? Нам нужно поговорить без лишних ушей.

Они вышли из здания суда и направились к небольшой, полупустой кофейне, расположенной в одном из тихих переулков Васильевского острова. Дождь продолжал стучать по стеклам, создавая ощущение изолированности от остального мира.

Они устроились за угловым столиком. Виктор заказал два черных кофе, достал из потертого кожаного портфеля плотную папку-скоросшиватель и положил ее перед Еленой.

— Здесь материалы по трем случаям за последние два месяца, — сказал он, открывая папку. — Все подростки. Все совершили попытки суицида или тяжелого самоповреждения. Родители передали мне их телефоны для анализа.

Мой знакомый IT-специалист сделал полные дампы их активности в сети перед трагедией. Посмотрите на это.

Елена углубилась в чтение распечаток логов активности. Перед ее глазами разворачивалась пугающая картина. Это не было хаотичным блужданием по сети. Это был четко выстроенный, направленный маршрут.

— Обратите внимание на время, — Виктор постучал пальцем по бумаге. — Вот здесь мы видим регистрацию нового аккаунта. Чистый профиль, никаких предустановок. Первые полторы минуты пользователь видит стандартный набор: смешные видео с животными, кулинарные рецепты, обзоры компьютерных игр. Но затем происходит нечто странное.

Елена всмотрелась в цифры таймстампов.

— Алгоритм фиксирует задержку взгляда на определенном типе контента, — пояснила она. — Достаточно задержаться на ролике с грустной музыкой всего на три-четыре секунды дольше обычного, как система считывает это как микрореакцию интереса.

— Именно, — кивнул Виктор. — И запускается так называемый эффект «кроличьей норы». Наш специалист провел серию тестов на чистых смартфонах. Результаты шокируют. Алгоритмы социальных сетей способны полностью перенаправить внимание пользователя на деструктивный контент всего за две целых и шесть десятых минуты после регистрации нового аккаунта. Две с половиной минуты, Елена! За это время система успевает проанализировать первичные реакции, составить психотип и начать целенаправленно подсовывать подростку видео, эксплуатирующие его скрытые страхи, одиночество или обиду на родителей.

— Это биологическая ловушка, — тихо произнесла Елена, чувствуя, как внутри нарастает холод. — Мозг подростка реагирует на негативные стимулы гораздо острее. Страх и тревога вызывают мощный выброс кортизола. Чтобы справиться с этим стрессом, мозг начинает искать способы разрядки. И тут алгоритм услужливо подсовывает ему «решение» — сообщества, где обсуждается самоповреждение как способ снять внутреннее напряжение. Физическая боль вызывает кратковременный выброс эндорфинов, притупляя душевную боль. Возникает сильнейшая нейрохимическая зависимость,

сравнимая с наркотической. И система поддерживает эту зависимость, постоянно подбрасывая новые порции деструктивного контента.

— Но это еще не все, — Виктор подался вперед, понизив голос. — Мы проанализировали структуру этого контента. Это не просто грустные картинки. В этих видео используется техника двойного наложения смысла.

Он вытащил из папки распечатку раскадровки одного из популярных роликов, который смотрели все пострадавшие дети.

— Посмотрите сюда. На первый взгляд — обычный подростковый сериал. Молодые люди спорят, говорят о несправедливости мира, о том, как их ненавидят родители. Это вызывает у зрителя-подростка мгновенный отклик, сопереживание, воспоминания о собственных обидах. Но одновременно с этим, на подсознательном уровне, накладываются визуальные и звуковые триггеры. Короткие вспышки кадров с изображением лезвий, шрамов, специфические звуковые частоты, вызывающие чувство безотчетной тревоги. Это чистой воды суггестивное воздействие. Подростку внушается мысль, что единственный способ обрести свободу и заявить о себе — это разрушить себя. Родители в этих сюжетах всегда изображаются как жестокие, бесчувственные враги, от которых нужно избавиться — либо уйдя из жизни, либо... применив насилие к ним.

Елена почувствовала, как у нее задрожали пальцы. Она вспомнила Софью Воронову, ее пустой взгляд и слова о «шуме», который не прекращается.

— Это не просто алгоритм оптимизации рекламы, — медленно произнесла она. — Это система направленного изменения поведения. Но кто за этим стоит? Зачем кому-то превращать детей в управляемых, сломленных людей, уничтожающих самих себя?

— Вот это нам и предстоит выяснить, — ответил Виктор. — Я начал копать в этом направлении месяц назад. И чем глубже я погружаюсь, тем яснее понимаю: мы имеем дело не с техническим сбоем и не с глупостью программистов. Это скоординированная кампания. Существуют целые сети анонимных аккаунтов, которые вбрасывают этот контент, обходя любые фильтры модерации. Они используют скрытые хэштеги, меняют кодировку файлов. Они действуют как профессиональная диверсионная группа.

Он закрыл папку и посмотрел Елене прямо в глаза.

— Мне нужна ваша помощь, Елена. Я умею искать людей, сопоставлять факты и работать с документами. Но я не понимаю, как устроена человеческая психика. Я не могу расшифровать те психологические коды, которые они используют для взлома детского сознания. Вы — единственный специалист, который открыто заговорил об этом в суде. Давайте объединим наши усилия.

Елена посмотрела на чашку с остывшим кофе, затем перевела взгляд на окно, за которым в сумерках тонул серый город. Она вспомнила лица родителей Юли Смирновой в зале суда. Вспомнила шрамы на руках Софьи.

— Хорошо, — тихо, но твердо сказала она. — Я в деле. С чего мы начнем?

— С физических улик, — Виктор достал из кармана небольшой пластиковый пакет, в котором лежал старый, со сколом на корпусе смартфон. — Это телефон Юли Смирновой. Официально следствие вернуло его родителям, посчитав, что там нет ничего, кроме «личной переписки депрессивного характера». Но мой человек успел сделать полную копию файловой системы до того, как его почистили. Нам нужно детально восстановить хронологию последних недель ее жизни. Шаг за шагом. Мы должны понять, как именно система вела ее к обрыву.

Они вышли из кофейни. Дождь почти прекратился, уступив место сырому, пронизывающему ветру с залива. Город зажигал огни, и в этом неоновом свете миллионы людей продолжали смотреть в экраны своих телефонов, даже не подозревая, что каждый их шаг, каждая эмоция и каждый страх уже давно просчитаны и превращены в строчки бездушного математического кода.

Глава 2. Биологическая ловушка

Утреннее солнце так и не сумело пробиться сквозь плотную завесу петербургских туч, оставив город в состоянии затянувшихся сумерек. Елена сидела за своим рабочим столом в клинике, бездумно глядя на экран монитора. На почте висело письмо от главного врача, Михаила Шестакова. Текст был предельно вежливым, но от этого не менее тревожным: *«Уважаемая Елена*

Владимировна, руководство клиники выражает обеспокоенность вашим участием в недавнем судебном процессе в качестве независимого эксперта. Ваши заявления о “системном алгоритмическом воздействии” вызвали неоднозначную реакцию среди наших попечителей. Прошу вас зайти ко мне завтра в десять утра для обсуждения соответствия вашей публичной активности академическим стандартам нашего учреждения».

Елена закрыла почту. Вот оно, первое проявление того самого социального давления, о котором предупреждал Виктор. Никаких угроз, никаких людей в черных плащах — просто мягкое, но настойчивое напоминание о том, что система не любит тех, кто пытается заглянуть за ее фасад.

Вибрация телефона на столе заставила ее вздрогнуть. Звонил Виктор.

— Елена, доброе утро. Наш общий знакомый согласился на встречу. Одевайтесь теплее, на Васильевском сегодня ветрено. Я заеду за вами через двадцать минут.

Через полчаса они уже пробирались сквозь лабиринт серых кирпичных корпусов бывшего кожевенного завода на Кожевенной линии. Огромные заброшенные цеха из красного кирпича соседствовали здесь с модными лофтами и дешевыми офисами, которые арендовали мелкие IT-компании и веб-студии. Ветер с Финского залива нес мелкую, колючую взвесь, которая мгновенно оседала на стеклах очков и воротнике пальто.

— Денис Волков — парень своеобразный, — говорил Виктор, перешагивая через глубокую лужу, в которой отражалось свинцовое небо. — Три года назад он был ведущим разработчиком в «Квант Медиа». Это агентство занималось локализацией и оптимизацией рекомендательных систем для крупных платформ, включая ту самую «PulseNet», с которой мы столкнулись в суде. Денис ушел оттуда сам. Точнее, его вежливо попросили уйти, когда он начал задавать слишком много вопросов о том, почему их новые алгоритмы удержания внимания вызывают у фокус-групп подростков симптомы клинической депрессии.

Они поднялись по скрипучей металлической лестнице на третий этаж одного из корпусов. За тяжелой железной дверью скрывалось просторное, но неуютное помещение с высокими потолками. Повсюду тянулись кабели, на

столах громоздились системные блоки, мерцали экраны мониторов, а в углу тихо гудел старый серверный шкаф.

Из-за перегородки навстречу им вышел молодой человек лет тридцати в растянутом сером свитере. У него были глубокие темные круги под глазами и бледная, почти прозрачная кожа человека, который месяцами не видит дневного света. В руках он держал металлическую головоломку, которую непрерывно вертел длинными, тонкими пальцами.

— Виктор, — Денис кивнул бывшему следователю, затем перевел настороженный взгляд на Елену. — Это тот самый психолог?

— Елена Владимировна, — представил ее Виктор. — Денис, мы здесь не для того, чтобы читать лекции. Нам нужно понять, как эта штука устроена изнутри. Мы видели результаты на детях. Теперь мы хотим увидеть код.

Денис молча указал им на два свободных офисных кресла возле своего рабочего стола, на котором стояли три огромных монитора. Он сел напротив, на мгновение закрыл глаза, словно собираясь с силами, а затем заговорил быстрым, монотонным шепотом:

— Все думают, что рекомендательные системы созданы для того, чтобы помогать пользователю находить интересный контент. Это официальная сказка для инвесторов и судов. На самом деле задача любого коммерческого алгоритма — это максимизация времени, проведенного на платформе. Время — это деньги рекламодателей. Но обычными методами удерживать человека часами невозможно. Мозг устает, включаются механизмы критического мышления, человек закрывает приложение. Чтобы этого не происходило, нужно обойти критический фильтр сознания.

Денис повернулся к экрану и открыл программу для видеомонтажа. На таймлайне была разложена видеозапись — типичный подростковый ролик с динамичной музыкой и яркими цветами.

— Сознательное восприятие человека имеет свои физиологические ограничения, — продолжил Денис, кликая мышкой по кадрам. — Чтобы вы успели осознать визуальный образ, сопоставить его со своим опытом и дать ему критическую оценку, вашему мозгу требуется определенное время. Обычно это около 350–400 миллисекунд для сложных стимулов. Все, что длится меньше

этого порога, сознанием просто не фиксируется. Вы не сможете сказать, что именно вы видели. Но ваше подсознание, ваши древние субкортикальные структуры мозга, обработают эту информацию гораздо быстрее.

Он увеличил масштаб таймлайна, выделив крошечный отрезок видео.

— Посмотрите сюда. Вот идет стандартный видеоряд — 60 кадров в секунду. А вот здесь, между сценами, встроена визуальная вставка длительностью всего в три кадра. Это примерно 50 миллисекунд. На этих кадрах изображено лицо человека в состоянии крайнего ужаса, инвертированное в негатив, и схематичное изображение лезвия. Ваше зрение не успевает передать этот образ в зрительную кору для осознания. Но сигнал от сетчатки глаза по более короткому, эволюционно более древнему пути идет напрямую в миндалевидное тело — зону мозга, отвечающую за страх и выживание.

Елена подалась вперед, всматриваясь в экран.

— Субсенсорное восприятие, — тихо произнесла она. — Сигнал минует префронтальную кору и бьет прямо по лимбической системе.

— Именно, — Денис кивнул, его пальцы задвигались быстрее, перебирая детали головоломки. — Использование таких скрытых визуальных и звуковых вставок длительностью до 300 миллисекунд позволяет осуществлять бессознательное обучение и направленное изменение эмоционального состояния без ведома самого пользователя. Вы сидите, смотрите безобидный ролик про компьютерные игры или моду, а ваше миндалевидное тело в этот момент получает мощные удары тревоги и страха. Ваша вегетативная система реагирует: учащается пульс, выделяется кортизол, сжимаются сосуды. Вы чувствуете беспричинное, липкое беспокойство, но не понимаете его источника. И в этот момент алгоритм, который точно знает, в каком состоянии вы находитесь, подсовывает вам следующий ролик — уже вполне осознаваемый, где авторы предлагают «выход» из этого состояния. Например, рассказывают о том, как физическая боль помогает заглушить душевную.

Виктор нахмурился, делая пометку в своем блокноте.

— Но ведь это технология манипуляции чистой воды. Неужели современные программисты додумались до этого сами, просто оптимизируя рекламные бюджеты?

Денис сухо рассмеялся. Этот смех прозвучал жутковато в тишине полупустого лофта.

— Программисты? Нет, мы просто пишем код по готовым спецификациям. Все эти разработки в области психотехнологий и психотронного воздействия начались еще в двадцатом веке. Современные коммерческие алгоритмы удержания внимания целиком и полностью базируются на советских и американских военных исследованиях времен холодной войны. В частности, в основу этих систем легли работы академика Игоря Смирнова, которого в определенных кругах называли «отцом психотронного оружия».

Денис открыл на соседнем мониторе архивный текстовый файл. Это была копия старого научного отчета, датированного серединой девяностых годов.

— Смирнов еще в семидесятые и восьмидесятые годы в НИИ психоэкологии детально исследовал методы компьютерного психозондирования и психокоррекции, — начал объяснять Денис, указывая на схемы на экране. — Его группа разработала методы скрытого введения информации в мозг человека через аудиальные и визуальные каналы. Они маскировали текстовые и голосовые команды под обычную музыку или белый шум. Сознание слышит приятную мелодию, а подсознание расшифровывает скрытый в ней приказ. В 1979 году эти технологии обкатывались на советских спортсменах перед Олимпиадой-80 в Москве. Жена Смирнова, Елена Русалкина, позже вспоминала в своих интервью:

«Все спортсмены, с которыми мы работали во время Олимпиады-80, завоевали золото. Перед Олимпиадой в Пекине спортивный комитет также обращался к нам».

Денис повернулся к Виктору и Елене, его взгляд стал серьезным.

«Те, кто считает это научной фантастикой, глубоко ошибаются, — процитировал он слова Русалкиной. — Возможно ли сделать зомби? Да, это возможно».

— И то, что раньше требовало огромных вычислительных комплексов, секретных лабораторий КГБ и непосредственного контакта с испытуемым, сегодня упаковано в изящный код мобильного приложения, — продолжил Денис. — Алгоритм «PulseNet» ежесекундно проводит психозондирование

миллионов подростков по всему миру. Он анализирует скорость прокрутки ленты, задержку взгляда на кадрах, мимику через фронтальную камеру, если пользователь дал приложению доступ к ней. И на основе этих данных система подбирает индивидуальные субсенсорные триггеры. Это индивидуальное психотронное воздействие, масштабированное до планетарных размеров.

Елена почувствовала, как в кабинете стало словно бы холоднее. Она вспомнила своих пациентов, их одинаковые жалобы на непрекращающийся внутренний шум, на чувство тревоги, которое они не могли объяснить.

— Теперь мне понятна биологическая сторона этой ловушки, — произнесла Елена, глядя на Виктора. — Это не просто психологическая зависимость от красивых картинок. Это глубокая нейробиологическая петля, которую они затягивают на шее у детей.

Она поднялась и подошла к маркерной доске, висевшей на стене лофта. Взяв черный маркер, она быстро набросала схему головного мозга.

— Смотрите, что происходит на уровне физиологии. Когда алгоритм с помощью субсенсорных вставок, о которых рассказал Денис, искусственно вводит подростка в состояние хронического стресса и страха, в его организме резко возрастает уровень кортизола и адреналина. Для незрелого мозга подростка, у которого префронтальная кора еще не способна эффективно гасить эти сигналы тревоги, это состояние становится невыносимым. Возникает острая потребность в немедленной нейтрализации этого стресса.

Елена обвела маркером зону гипоталамуса и гипофиза.

— И здесь включается древний компенсаторный механизм. Самоповреждение — например, порезы на руках — вызывает сильную физическую боль. В ответ на физическую травму и сопутствующие ей сильные негативные эмоции мозг мгновенно запускает защитную систему. Происходит мощный компенсаторный выброс внутренних опиатов — эндорфинов и энкефалинов. Эти вещества призваны заблокировать болевые рецепторы и спасти организм от шока. Но одновременно они вызывают состояние кратковременной эйфории, облегчения и глубокого расслабления.

Она повернулась к мужчинам.

— Понимаете? Подросток режет себя не потому, что хочет умереть. Он делает это потому, что это единственный доступный ему способ получить дозу эндорфинов, чтобы заглушить ту невыносимую тревогу, которую в него методично закачивает алгоритм. Формируется тяжелейшая биологическая зависимость, сопоставимая с наркотической. Мозг запоминает эту цепочку: «тревога от телефона — порез — облегчение». Со временем чувствительность опиоидных рецепторов снижается, как у настоящих героиновых наркоманов. Чтобы получить тот же эффект облегчения, подростку требуется наносить себе все более глубокие повреждения. И все это время алгоритм продолжает подбрасывать ему новые порции скрытых стимулов, не давая сойти с этой иглы.

Виктор молча смотрел на схему, его лицо казалось каменным.

— Но зачем? — спросил он после долгой паузы. — Допустим, корпорации зарабатывают на удержании внимания. Но зачем доводить людей до такого состояния? Зачем калечить детей? Ведь мертвый или покалеченный пользователь больше не приносит денег.

Денис Волков горько усмехнулся и покачал головой.

— Вы думаете категориями обычной коммерции, Виктор. Но на определенном уровне деньги перестают быть главной целью. Главной целью становится контроль. Абсолютный контроль над поведением масс.

Он открыл на мониторе еще один документ — внутренний отчет «Квант Медиа» двухлетней давности, помеченный грифом «Для служебного пользования».

— Посмотрите на этот термин, — Денис указал на заголовок одного из разделов. — «Управляемая социальная апатия». Информационная среда способна искусственно вызывать состояние выученной беспомощности у больших групп населения через дозированную подачу негативной информации.

Елена согласно кивнула.

— Это классический эксперимент Мартина Селигмана, — пояснила она. — Если животное или человека систематически подвергать негативному воздействию, которое они не могут предотвратить или избежать, у них полностью атрофируется воля к сопротивлению. Они опускают руки и

смиряются со своей участью, даже когда появляется реальная возможность спастись. Они становятся абсолютно пассивными и управляемыми.

— Именно это они и делают в масштабах целых стран, — подтвердил Денис. — Алгоритмы не просто удерживают внимание. Они создают непрерывный, дозированный поток негативных новостей, сообщений о катастрофах, насилии, безнаказанности и несправедливости. Человек, погруженный в эту среду, ежедневно получает микродозы стресса, которые он не может нейтрализовать. Постепенно у миллионов людей формируется стойкое состояние выученной беспомощности. Они перестают верить в возможность что-то изменить, теряют критическое мышление, становятся конформными и послушными. Общество превращается в аморфную массу, которой можно навязать любую волю, любые ложные ценности и любые решения. И все это делается тихо, без единого выстрела, без применения физического насилия. Люди сами, добровольно, каждый день открывают свои смартфоны и принимают эту ментальную отраву.

Виктор поднялся со своего места и подошел к окну. За стеклом, внизу, по мокрому асфальту Кожевенной линии медленно ползли автомобили. Люди под зонтами спешили к остановкам общественного транспорта, прижав к ушам светящиеся прямоугольники телефонов. Они выглядели абсолютно свободными в своем выборе — куда идти, что покупать, во что верить. Но Виктор теперь видел эту невидимую сеть, которая опутывала каждого из них, управляя их эмоциями, их страхами и их будущим.

— У нас есть конкретные доказательства? — спросил он, не оборачиваясь. — Документы, которые мы можем представить в суде или предать огласке?

Денис вздохнул и закрыл программу монтажа.

— У меня есть исходные коды некоторых модулей рекомендательной системы «PulseNet» и внутренние отчеты «Квант Медиа» по тестированию субсенсорных вставок. Но официально эти документы не существуют. Если я передам их вам, юристы корпорации мгновенно обвинят нас в краже коммерческой тайны и промышленном шпионаже. Нас просто затаскают по судам и уничтожат финансово еще до того, как мы успеем открыть рот. Нужен прецедент. Нужна официальная экспертиза, которую невозможно будет проигнорировать.

— Мы найдем способ легализовать эти данные, — твердо сказал Виктор. — Денис, скопируйте все, что у вас есть, на защищенный накопитель. Мы не имеем права отступать. На кону жизни тысяч детей, которые прямо сейчас сидят в своих комнатах и смотрят на эти экраны, медленно умирая изнутри.

Когда они вышли из здания завода, сумерки окончательно сгустились над городом. Холодный ветер с залива швырял в лицо пригоршни ледяной крупы. Елена шла рядом с Виктором, чувствуя, как внутри нее нарастает странная смесь страха и решимости. Информация, которую они получили сегодня, переворачивала все ее представления о границах человеческой безопасности.

На выходе с территории завода у Елены снова зазвонил телефон. На экране высветился номер приемной главного врача клиники.

— Елена Владимировна? — раздался в трубке сухой, официальный голос секретаря. — Михаил Андреевич просил передать, что время вашей завтрашней встречи переносится на девять утра. И пожалуйста, возьмите с собой все ваши текущие клинические отчеты и личные дела пациентов за последние три месяца. Руководство хочет провести внеплановую проверку вашей деятельности.

Елена медленно опустила руку с телефоном.

— Что случилось? — спросил Виктор, заметив, как изменилось ее лицо.

— Кажется, моя профессиональная карьера в этой клинике подходит к концу, — тихо ответила она. — Они хотят проверить дела моих пациентов. Тех самых детей, чьи истории мы сейчас расследуем.

Виктор посмотрел на нее, и в его глазах она увидела не жалость, а ту самую холодную, следовательскую сосредоточенность, которая помогала ему выживать в самых сложных ситуациях.

— Это значит только одно, Елена. Мы подобрались к ним слишком близко. И они начинают защищаться. Но теперь мы знаем их методы.

Они сели в машину Виктора. Дворники медленно очищали лобовое стекло от налипающего мокрого снега, а в темноте салона тускло светился экран смартфона Елены, на который продолжали приходить беззвучные уведомления из внешнего мира, ставшего вдруг таким чужим и опасным.

Глава 3. Портрет создателя

Кабинет главного врача отделения клинической психиатрии Михаила Андреевича Шестакова всегда напоминал Елене музей уходящей эпохи. Здесь пахло дорогим табаком, хотя курить в здании запретили еще в начале двухтысячных. На стенах в строгих рамках висели дипломы, сертификаты международных конгрессов и фотографии Шестакова с видными деятелями отечественной медицины.

Шестаков, грузный мужчина с аккуратной седой бородкой и тяжелыми, вечно полуприкрытыми веками, не спеша наливал чай из фарфорового чайника. Его движения были размеренными, почти гипнотическими.

— Угощайтесь, Леночка, — мягко произнес он, пододвигая к ней чашку с тонкой золотой каемкой. — Настоящий китайский да хунпао. Мне его привезли коллеги из Пекина. Очень успокаивает нервную систему, знаете ли. А нам с вами в последнее время спокойствие необходимо как никогда.

Елена вежливо улыбнулась, но к чашке не прикоснулась.

— Спасибо, Михаил Андреевич. Но, судя по тону вашего вчерашнего письма, мы собрались здесь не для чайной церемонии.

Шестаков вздохнул, аккуратно поставил чайник на подставку и опустился в свое кресло. Его взгляд, до этого казавшийся сонным, мгновенно сфокусировался на Елене. В нем не было злости — лишь холодная, прагматичная озабоченность администратора, столкнувшегося с нежелательным элементом в своей отлаженной системе.

— Вы правы, — тихо сказал он. — Давайте без прелюдий. Ваше участие в процессе по делу Смирновой... Скажите, Елена Владимировна, вы действительно верите во всю эту конспирологическую чушь, которую озвучили перед судьей? «Алгоритмическое воздействие», «целенаправленное разрушение психики», «цифровое оружие»... Вы понимаете, как это звучит из уст ведущего специалиста нашей клиники?

— Это звучит как клинический факт, Михаил Андреевич, — ровно ответила Елена. — Я предоставила суду результаты обследования двадцати семи

пациентов. Это не гипотезы. Это дети с тяжелейшими нарушениями когнитивных функций, у которых депрессивные состояния развивались по одному и тому же сценарию после взаимодействия с определенными сегментами сети.

Шестаков поморщился, словно от зубной боли.

— Корреляция не означает причинно-следственную связь, доктор Зорина. Этому учат на первом курсе медицинского института. Подростки всегда были уязвимы. В наше время они слушали тяжелый рок и резали вены под грустные песни. В девятнадцатом веке зачитывались «Страданиями юного Вертера» и стрелялись. Теперь они смотрят короткие видео в телефонах. Меняются носители информации, но не человеческая природа. Пытаться обвинить в этом математический код — это... ну, это просто непрофессионально.

— Вы не изучали выгрузки их активности, — Елена подалась вперед. — Вы не видели, как система изолирует ребенка от альтернативных источников информации, как она сужает его мир до одной-единственной деструктивной идеи. Это не просто «грустные песни». Это направленная суггестия.

— Довольно, — Шестаков поднял руку, пресекая дискуссию. — Я пригласил вас не для того, чтобы спорить о методологии. У клиники есть попечительский совет. В него входят люди, которые, помимо прочего, инвестируют в развитие цифровых медицинских платформ и телемедицину. Ваши публичные заявления бросают тень на репутацию нашего учреждения. Нам намекнули, что если наш ведущий специалист продолжит продвигать подобные... маргинальные теории, то финансирование ряда ключевых программ может быть пересмотрено.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Было слышно, как за окном шумит питерский дождь, разбиваясь о металлический отлив.

— И что вы предлагаете? — спросила Елена.

— Я требую, чтобы вы прекратили любую публичную активность по этой теме. Никаких судов, никаких интервью, никаких независимых экспертиз. Более того, я инициировал внеплановую проверку вашей медицинской документации. Комиссия изучит истории болезни ваших пациентов за последние три месяца. Мы должны быть уверены, что вы лечите их в соответствии с утвержденными

протоколами Минздрава, а не пытаетесь подтвердить свои личные теории за счет их здоровья.

— Вы хотите забрать у меня дела моих пациентов? — в голосе Елены впервые прорвались эмоции.

— Мы хотим убедиться в вашей профессиональной пригодности, Елена Владимировна, — холодно отчеканил Шестаков. — До пятницы вы обязаны передать все архивы секретарю комиссии. На время проверки ваша клиническая практика будет частично ограничена. Надеюсь на ваше благоразумие.

Елена медленно поднялась. Она поняла, что любые аргументы здесь бесполезны. Система защищала себя привычным способом — через изоляцию и лишение права голоса.

— Я поняла вас, Михаил Андреевич, — тихо произнесла она. — Всего доброго.

Виктор ждал ее на углу Большого проспекта в своем старом «Вольво». Дворники со скрипом разгоняли по лобовому стеклу серую кашу из дождя и мокрого снега. Когда Елена села на пассажирское сиденье и с силой захлопнула дверь, он даже не повернулся к ней, продолжая внимательно всматриваться в зеркало заднего вида.

— За нами кто-то идет? — спросила она, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— Пока нет, — Виктор наконец перевел на нее взгляд. — Но воздух вокруг нас определенно сгущается. Как прошел разговор с Шестаковым?

— Меня отстраняют от практики под предлогом проверки документов. Требуют сдать все карты пациентов до пятницы. Они хотят уничтожить мои исследования, Виктор. Если они заберут архивы, у нас не останется клинической базы для доказательства воздействия.

Виктор молча завел двигатель. Машина мягко тронулась с места, встраиваясь в плотный поток транспорта.

— Этого следовало ожидать, — спокойно сказал он. — Они бьют по твоему самому уязвимому месту — по твоей работе. Но это значит, что мы все делаем правильно. Они боятся прецедента. Если мы докажем, что система способна целенаправленно разрушать психику, рухнет вся их юридическая защита. Но

чтобы бороться с системой, нам нужно понять ее генезис. Нам нужно понять человека, который заложил ее фундамент.

— Александр Дворкин, — произнесла Елена имя, которое они впервые услышали на старой видеозаписи.

— Да. Я провел последние сутки, изучая его биографию. И знаете, что самое интересное? Он ведь не всегда был теневым технологом. Он начинал как классический академический исследователь, историк, богослов. Но в его жизни есть огромные белые пятна, которые не укладываются в официальную биографию «выдающегося борца с сектами».

Виктор повернул на набережную Макарова.

— Мы едем в архив Санкт-Петербургской духовной академии. Там до сих пор работает человек, который близко знал Дворкина в начале девяностых, когда тот только вернулся в Россию. Его зовут профессор Петр Ильич Серебряков. Он согласился поговорить с нами, но просил не афишировать эту встречу. В академической среде сейчас тоже неспокойно.

Здание академии встретило их тишиной, высокими сводчатыми потолками и ни с чем не сравнимым запахом старых книг, ладана и воска. Здесь время словно замедлило свой ход. Студенты в темных подрясниках тихо переговаривались в коридорах, прижимая к груди учебники.

Профессор Серебряков принял их в небольшом кабинете на кафедре церковной истории. Это был глубокий старик с тонкими кистями рук и удивительно ясными, проницательными голубыми глазами. На нем был старый, видавший виды твидовый пиджак с заплатками на локтях.

— Присаживайтесь, молодые люди, — профессор указал на два деревянных стула у окна. — Виктор предупредил меня о характере вашего интереса. Александр Леонидович Дворкин... Да, я помню его появление у нас. Он казался тогда глотком свежего воздуха. Энергичный, образованный, с прекрасным знанием языков, приехавший из самой Америки по рекомендации отца Иоанна Мейендорфа. Мы все тогда были немного наивны, верили в возрождение, в свободу...

Профессор грустно улыбнулся и покачал головой.

— Но вы хотите знать, что было до его триумфального возвращения, не так ли?

— Нам важен период его эмиграции, Петр Ильич, — сказал Виктор. — В официальных источниках написано лишь, что он уехал в США в 1977 году и учился там. Но как молодой советский эмигрант без гроша в кармане так быстро интегрировался в американскую академическую и околополитическую элиту?

Серебряков поднялся, подошел к книжному шкафу и достал оттуда пожелтевшую от времени папку с вырезками из американских газет и копиями писем.

— Александр уехал из СССР в 1977 году, — начал профессор, аккуратно раскладывая бумаги на столе. — Это был пик холодной войны. Молодой человек с явными признаками девиантного поведения, трудностями в обучении и опытом бродяжничества в Союзе попадает в США. Для американских спецслужб и исследовательских центров такие эмигранты были ценнейшим материалом. Дворкин практически сразу попал в поле зрения специалистов, работавших в рамках специализированных программ изучения советских эмигрантов.

— Что это были за программы? — спросила Елена.

— Официально они занимались социологическими исследованиями, помогали адаптироваться, — Серебряков посмотрел на нее поверх очков. — Но неофициально… Это были глубокие психологические исследования так называемого «советского человека». Изучались его уязвимости, механизмы подчинения авторитету, реакция на стресс и изоляцию. Александр не просто проходил эти тесты. Он проявил живейший интерес к самой методологии. Его, человека, который всю жизнь чувствовал себя маргиналом и аутсайдером, всегда тянуло к силе. И в США он эту силу нашел. Он начал изучать методы психологического воздействия и манипулирования сознанием в закрытых группах и религиозных организациях.

Профессор перелистнул несколько страниц в папке.

— В начале восьмидесятых в США активно развивалось антикультовое движение, в частности организация CAN — Cult Awareness Network. Они занимались так называемым «депрограммированием». По сути, это было то же самое насилие над личностью, но под маской спасения. Людей похищали,

запирали в номерах мотелей, подвергали многочасовому психологическому давлению, лишали сна, чтобы заставить их отказаться от своих убеждений. Дворкин изучал эти методы. Он общался с активистами CAN, которые позже были признаны судом причастными к похищениям людей и насилию.

Елена внимательно вглядывалась в копии документов. Среди них были письма Дворкина того периода, адресованные его коллегам.

— Посмотрите на его почерк и стиль изложения, — Елена указала на одну из копий. — В ранних письмах начала восьмидесятых еще виден академический интерес, попытка анализа. Но к концу десятилетия тон резко меняется. Появляется жесткая, бескомпромиссная терминология. Он начинает использовать слова-маркеры: «недочеловеки», «социальный мусор», «деструктивные элементы».

— Да, — подтвердил Серебряков. — Именно в этот период происходит его личная трансформация. Переход Дворкина от академических исследований к практическому созданию систем контроля сопровождался кардинальным изменением его личной поведенческой траектории. Он словно компенсировал свои юношеские травмы, свою нереализованность через обретение власти над чужими умами. Появилась фиксация на деструктивных паттернах. Он больше не хотел изучать манипуляции — он хотел манипулировать сам.

— И он привез эти методы в Россию в девяностых годах, — тихо произнес Виктор.

— Именно так, — вздохнул профессор. — Он приехал как мессия, знающий, как спасти страну от «западного влияния». Но на самом деле он привез сюда самые грязные, самые агрессивные методы антикультизма, скрестив их с тоталитарными практиками прошлого. Он создал систему, которая делила общество на «своих» и «чужих».

Серебряков подошел к окну и посмотрел на серые купола собора.

— Истоки методологии дегуманизации и разделения общества на «своих» и «чужих» лежат в практиках тоталитарных структур прошлого, адаптированных под цифровые реалии. Александр Леонидович всегда был прилежным учеником. Он изучал труды Вальтера Кюннета, нацистского теолога, который обосновывал необходимость уничтожения инакомыслящих

ради сохранения чистоты нации. Он перенял эти идеи у своего наставника Йоханнеса Огорда. Суть этой методологии проста: сначала вы лишаете группу людей человеческого облика в глазах общества. Вы называете их «сектантами», «агентами влияния», «генетическим мусором». Вы внушаете толпе, что эти люди опасны, что они не такие, как мы. И как только дегуманизация завершена, общество само начинает требовать их уничтожения. Законные права, суды, мораль — все это отбрасывается ради «высшей цели».

Елена почувствовала, как внутри все сжалось от осознания масштаба этой преемственности.

— И теперь эта методология оцифрована, — сказала она. — То, что Дворкин делал вручную через лекции, статьи и телевизионные эфиры в девяностые, сегодня делает автоматический алгоритм. Он находит уязвимых подростков, маркирует их, разделяет на группы, разжигает в них ненависть к «чужим» — будь то родители, сверстники или общество в целом — и доводит до саморазрушения.

— Да, — тихо произнес Серебряков. — Цифровой код не имеет эмоций. Он просто масштабировал нацистскую методологию дегуманизации до миллиардов пользователей. И самое страшное, что люди принимают это добровольно. Они думают, что это их личный выбор, их эмоции, их гнев. Но этот гнев был просчитан и спровоцирован алгоритмом, созданным по чертежам, которые разрабатывались десятилетиями.

Они провели в архиве еще несколько часов, изучая личные записи, черновики лекций и переписку Дворкина начала девяностых годов. Перед Еленой постепенно складывался пугающий психологический портрет этого человека.

Это не был безумный ученый из фантастических фильмов. Это был глубоко травмированный, нарциссический субъект с выраженным комплексом божественности. Человек, который всю жизнь страдал от собственной маргинальности, от неспособности вписаться в нормальные социальные структуры, и который нашел выход в создании собственной, параллельной реальности, где он обладал абсолютной властью решать, кто достоин жизни, а кто — «ухода в положенное время».

Его письма к духовным наставникам — отцу Иоанну Мейендорфу и отцу Глебу Каледе — были полны скрытого сарказма и пассивной агрессии. Он использовал их авторитет как ступени для собственного продвижения, но втайне презирал их за «слабость» и «излишний гуманизм».

— Посмотри на это письмо, написанное незадолго до смерти отца Глеба Каледы в девяносто четвертом году, — Елена показала Виктору пожелтевший лист бумаги. — Дворкин пишет о нем с внешним почтением, но между строк читается торжество. Он словно фиксирует угасание своего наставника, понимая, что скоро займет его место и избавится от его контроля. Это классический паттерн деструктивного нарцисса — уничтожение «морального зеркала», авторитетной фигуры, которая напоминает ему о его собственной неполноценности.

Виктор внимательно прочитал текст.

— И после смерти Каледы Дворкин практически единолично возглавил все антикультовое направление, — заметил он. — Никто больше не мог контролировать его методы. Он получил карт-бланш на создание своей империи страха.

Они поблагодарили профессора Серебрякова и вышли на улицу. Дождь со снегом усилился, превращая тротуары в скользкое месиво. Город погружался в холодную осеннюю тьму.

Они сели в машину. Виктор долго не заводил двигатель, глядя на светящиеся окна академии.

— Теперь у нас есть понимание идеологических корней этой системы, — сказал он, поворачиваясь к Елене. — Дворкин создал концептуальную модель дегуманизации. Он доказал, что обществом можно управлять через страх и разделение. Но нам все еще не хватает связующего звена. Как эти старые, аналоговые методы манипуляции превратились в тот самый цифровой код, который сегодня может подталкивать уязвимых подростков к опасным решениям? Как его идеи были интегрированы в алгоритмы «PulseNet»?

Елена посмотрела на свой телефон, лежащий на приборной панели. На экране высветилось новое сообщение от неизвестного отправителя. Она с замиранием сердца открыла его.

Там была всего одна строчка:

«Вы ищете создателя в прошлом, но он уже давно в будущем. Обратите внимание на то, как собирается пазл».

Через секунду сообщение исчезло, оставив после себя пустой экран.

Елена медленно перевела взгляд на Виктора. В темноте салона его лицо казалось бледным и суровым.

— Нам снова пишут, — тихо произнесла она. — И кажется, они знают о каждом нашем шаге.

Виктор молча повернул ключ в замке зажигания. Двигатель старого «Вольво» глухо зарычал, и машина медленно выехала с территории академии, растворяясь в бесконечном потоке огней ночного города, который продолжал жить своей привычной, кем-то детально просчитанной жизнью.

Глава 4. Пазловое кодирование

Дождь за окном сменился плотным, липким туманом, который наползал с Невы и превращал очертания соседних домов в размытые серые силуэты. В квартире Елены горела только одна настольная лампа, отбрасывая длинные тени на стены, заваленные распечатками. На полу ровными стопками лежали копии медицинских карт, которые она успела забрать из клиники до того, как доступ к архиву был заблокирован решением попечительского совета.

Елена сидела на ковре, обхватив колени руками. Перед ней на низком журнальном столике лежал открытый ноутбук с выгрузкой цифровой активности Юлии Смирновой, предоставленной Максимом, и личные дневники еще двух ее бывших пациентов — четырнадцатилетнего Максима Кравцова и шестнадцатилетней Алины Дмитриевой.

Она не спала уже больше суток. Глаза резало от напряжения, но внутри горело то самое профессиональное упрямство, которое всегда помогало ей докапываться до сути в самых сложных клинических случаях. Елена сравнивала

поисковые запросы, временные метки просмотров и историю переписок подростков. Она искала не просто депрессивный контент, а систему.

И она ее находила.

В истории браузера Юлии Смирновой за три месяца до трагедии соседствовали поразительно несовместимые вещи. Четырнадцатого августа девочка искала статьи по астробиологии и условиям возникновения жизни на спутнике Юпитера Европе. Шестнадцатого августа в ее запросах внезапно появляется интерес к материалам об оружии и обсуждениям его применения в закрытых сообществах. Восемнадцатого августа — снова лекции по астробиологии.

Елена открыла файлы Максима Кравцова. Тот же странный, противоестественный дуализм. Мальчик, собиравшийся поступать на физический факультет, увлеченно изучал квантовую механику и одновременно с этим — обсуждения запрещенных взрывных устройств на форумах и пересказы чужих нападений.

Это не было хаотичным подростковым любопытством. Темы выбирались из совершенно противоположных по своей природе сфер интересов. Жизни противопоставлялась смерть, созиданию — разрушение.

Елена сделала пометку в блокноте. Такой подход позволял минимизировать случайное пересечение людей, на которых направлено воздействие. Система искала редкое, уникальное сочетание интересов, сужая воронку отбора. Из тысяч подростков, интересующихся космосом, лишь единицы одновременно проявляли интерес к оружию. И именно эти единицы становились объектами для дальнейшей обработки.

Но перед тем как запустить дальнейшее воздействие, жертву нужно было подготовить. И здесь в дело вступал механизм цифровой изоляции.

Елена открыла скриншоты школьных чатов Юлии Смирновой. Все началось с незначительного конфликта из-за невыполненного группового проекта. Но буквально за несколько дней вокруг девочки возникла стена отчуждения. В чатах начали появляться анонимные сообщения, в которых Юлю открыто стигматизировали. Ей навешивали ярлыки: «токсичная», «странная», «неадекватная».

Использование стигматизации и навешивания ярлыков в цифровой среде позволяло быстро изолировать жертву от привычного круга общения, делая её более восприимчивой к манипуляциям. Друзья Юли, опасаясь стать следующими мишенями для насмешек, быстро прекратили с ней всякое общение. Девочка осталась один на один со своим смартфоном. Когда реальный мир вытолкнул ее, цифровой мир распахнул свои объятия, предлагая иллюзию понимания и принятия.

В дверь негромко постучали. Елена вздрогнула. На пороге стоял Виктор. В руках он держал два бумажных стакана с кофе и пакет с теплыми булочками.

— Ты похожа на привидение, Лена, — тихо сказал он, проходя в комнату и ставя кофе на стол. — Нужно сделать перерыв.

— Посмотри на это, Виктор, — она указала на экран. — Это не случайность. Их изолируют целенаправленно. Сначала запускается волна травли через анонимные аккаунты, ребенка стигматизируют в его реальном окружении, отрезают от друзей. Он замыкается в себе. И в этот момент алгоритм начинает подсовывать ему фрагменты информации, которые складываются в его голове в определенный рисунок. Но я не могу понять, как именно эти фрагменты заставляют их действовать. Здесь нет прямых призывов. Нет сообщений в духе «иди и сделай это».

Виктор отпил кофе и присел на край кресла.

— Именно поэтому мы едем к человеку, который профессионально занимается анализом медиа-потоков. Я созвонился с Ильей Дмитриевичем Шевченко. Он бывший руководитель аналитического центра крупного телевизионного холдинга, сейчас работает как независимый медиааналитик. Он ждет нас в своем архиве на Васильевском. Одевайся.

Архив Ильи Шевченко располагался в полуподвальном помещении старого доходного дома на Пятой линии. Внутри было прохладно и пахло сухой бумагой, типографской краской и старой электроникой. Вдоль стен тянулись стеллажи, заставленные видеокассетами формата Betacam, жесткими дисками и папками с газетными вырезками.

Сам Шевченко — подтянутый мужчина лет шестидесяти с аккуратной седой стрижкой и проницательным взглядом сквозь тонкие металлические очки — встретил их за большим столом, заваленным распечатками мониторинга СМИ.

— Виктор, рад тебя видеть, — Илья Дмитриевич пожал руку бывшему следователю, затем повернулся к Елене. — Доктор Зорина, наслышан о вашем выступлении в суде. Смело. Но, боюсь, вы недооцениваете масштаб системы, против которой выступили.

Он указал им на стулья и вывел на большой настенный монитор схему, состоящую из множества пересекающихся линий и блоков.

— То, что вы обнаружили в логах ваших пациентов, в профессиональной среде называется методом пазлового кодирования, — начал Шевченко, постукивая карандашом по столу. — Метод пазлового кодирования заключается в распределении ключевых элементов деструктивного сообщения по различным независимым медиаканалам, которые активируются в сознании жертвы при появлении финального триггера.

Он переключил слайд на экране. Появилась схема, разделенная на три сегмента: «Подготовительная волна», «Направляющая волна», «Активирующий триггер».

— Поймите главное, — продолжил аналитик. — Никто не отправляет подростку файл с инструкцией. Это было бы слишком просто обнаружить. Вместо этого информация дробится на десятки мелких, на первый взгляд абсолютно безобидных фрагментов. Каждая волна несет в себе определенные скрытые сообщения, которые интегрируются в подсознание потенциального исполнителя. Только когда эти пазлы соединяются, программа активируется, побуждая человека совершить насилие.

— Как это работает на практике? — спросила Елена, внимательно изучая схему.

— Первая, подготовительная волна всегда направлена на широкую аудиторию, — объяснил Шевченко. — Ее цель — создать ценностную основу, вспахать почву. И здесь манипуляторы используют базовое человеческое стремление к славе и признанию. В подсознание подростка внедряется убеждение, что получение известности — это высшая цель жизни, а без нее

существование бессмысленно. И для этого используется прославление образов прошлых преступников.

Он открыл папку с вырезками и распечатками интернет-публикаций.

— Обратите внимание, как часть СМИ освещают подобные трагедии. Публичное освещение трагедий в СМИ часто строится по шаблонам, которые не предотвращают, а тиражируют деструктивное поведение, создавая эффект подражания. Вместо сухого изложения фактов мы видим настоящие бенефисы убийц. Журналисты публикуют их фотографии в наиболее привлекательных ракурсах, детально разбирают их биографии, цитируют их манифесты, называют их «одинокими волками» или «гениями-злодеями».

Шевченко вздохнул и покачал головой.

— Подросток, чувствующий себя недооцененным и изолированным в реальной жизни, видит эту картину. Он понимает: обычный парень, такой же, как он, совершив один-единственный поступок, мгновенно обрел всемирную славу. О нем пишут ведущие издания, его обсуждают миллионы. Желание прославиться служит благодатной почвой. Часть уязвимых подростков начинает примерять этот образ на себя, размышляя: «А что бы сделал я на его месте?».

— Но ведь большинство на этом останавливается, — заметил Виктор.

— Конечно, — согласился Шевченко. — Большинство отсеивается. Но для тех, кто прошел первичный отбор, запускается вторая, направляющая волна. В их информационное поле начинают вбрасываться материалы с избыточными деталями о прежних нападениях. И часто эти инструкции маскируются под критику правоохранительных органов или аналитические материалы.

Он вытащил из папки распечатку статьи известного журналиста, опубликованную после одного из резонансных нападений в школе.

— Посмотрите на этот текст. Автор якобы анализирует ошибки полиции. Но как он это делает? В тексте открыто детализируется, сколько времени прошло до реакции охраны и полиции, а затем фактически перечисляются уязвимости, которыми мог воспользоваться подражатель. Это уже похоже не на аналитическую статью, а на опасную подсказку для мотивированного подражателя. Подобные публикации формируют у читателя готовую модель

агрессивного поведения. Они закладывают в подсознание сценарий: как подготовиться, какое оружие выбрать, как обойти систему безопасности.

— А как происходит сама активация? — спросила Елена. — Что заставляет этот пазл сложиться в единую картину?

Шевченко помрачнел. Он вывел на экран фотографию молодого парня в очках, стоящего в школьном коридоре с винтовкой в руках.

— Данный метод активно используется для дистанционного программирования подростков на совершение насильственных действий, включая нападения в учебных заведениях. Посмотрите на этот случай. Сергей Гордеев, старшеклассник из Москвы, февраль 2014 года. Отличник, шел на золотую медаль, благополучная, верующая семья. Никаких видимых причин для агрессии. Но на протяжении двух лет до инцидента он внезапно начал говорить друзьям, что хочет стать бандитом. Происходила длительная борьба между страхом смерти и жаждой огромной власти над жизнями других людей. Это очевидный внутренний конфликт крайне противоположных жизненных целей, указывающий на процесс незавершенного информационного кодирования.

Шевченко увеличил изображение лица мальчика на фотографии.

Елена почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Она вспомнила Юлию Смирнову. За неделю до своей гибели Юля посетила открытую лекцию по истории в своей школе. Тема лекции была посвящена убийству Джона Кеннеди. Лектор подробно разбирал действия Ли Харви Освальда, его стремление войти в историю и то, как один человек с винтовкой может изменить ход мировых событий.

— Боже мой, — прошептала Елена. — Тема убийства Кеннеди… Она послужила для нее информационным и мотивационным компонентом. Это был ее триггер.

— Именно, — кивнул Шевченко. — Метод пазлового кодирования скрыто манипулирует людьми, используя несколько волн информации. Для наблюдателей эта активация выглядит как личное, пусть и безумное, решение подростка. При этом не происходит ни прямого подстрекательства, ни помощи в подготовке, ни обсуждения. Человек действует как биоробот, выполняя

тщательно спланированное преступление под руководством внешних манипуляторов, которые остаются в тени.

Виктор поднялся со стула и начал мерить шагами комнату архива. Его лицо было суровым, кулаки сжаты.

— Это почти неуловимый механизм влияния, — произнес он. — Организаторы не покупают оружие, не пишут писем, не встречаются с исполнителем. Они просто насыщают информационное пространство региона определенными материалами через подконтрольные СМИ и паблики. Они забрасывают широкую сеть, в которую попадают тысячи подростков. И просто ждут, кто из них активируется первым. А когда трагедия происходит, те же самые СМИ начинают новую волну публикаций, которая служит подготовительным этапом для следующих жертв. Круг замыкается.

— И самое страшное, — добавил Шевченко, — журналисты, публикующие детальные инструкции под видом аналитики, защищены свободой слова. Владельцы платформ, чьи алгоритмы доставляют эти пазлы прямо в телефоны детей, защищены пользовательскими соглашениями и заявлениями о «нейтральности технологий». Мы пытаемся бороться с терроризмом старыми методами, а против нас ведут бесконтактную психологическую войну на уничтожение нашего будущего.

Елена подошла к столу и взяла в руки распечатку логов Юлии Смирновой. Теперь, когда она понимала структуру метода, хаотичный набор запросов девочки выстроился в четкую, логичную и страшную картину.

— Мы должны показать это обществу, — твердо сказала она. — Мы должны объяснить родителям, как именно их детей могут подталкивать к саморазрушению и насилию. Если мы не можем привлечь корпорации к ответственности через суд, мы должны разрушить их монополию на информацию. Мы должны научить людей видеть эти пазлы до того, как они сложатся в смертельный рисунок.

Шевченко посмотрел на нее с грустной улыбкой.

— Это опасный путь, доктор Зорина. Те, кто создал эту систему, не любят, когда их методы предают огласке. Они сделают все, чтобы заставить вас замолчать. И начнут они с вашей профессиональной репутации.

— Они уже начали, — тихо ответила Елена. — Но мне больше нечего терять. Моя карьера в клинике практически разрушена. Но если я смогу спасти хотя бы одного ребенка от этой цифровой петли, значит, все это было не зря.

Виктор подошел к ней и положил руку на ее плечо.

— Мы не одни, Елена. Теперь мы знаем, как они действуют. И мы заставим их играть по нашим правилам.

Они вышли из полуподвала архива на улицу. Туман над Васильевским островом стал еще гуще, поглощая свет редких фонарей. Город казался спящим, но в этой тишине миллионы смартфонов продолжали беззвучно мерцать в темноте детских комнат, доставляя новые, тщательно фрагментированные кусочки смертоносного пазла в подсознание тех, кто еще вчера мечтал о будущем.

Глава 5. Анатомия ненависти

Стеклоочистители старого «Вольво» Виктора работали на пределе возможностей, но все равно не успевали справляться с потоками воды, которые обрушивал на лобовое стекло плотный приморский шторм. Машина медленно двигалась по Приморскому шоссе в сторону Сестрорецка. Слева, за полосой пожелтевшего тростника и редких сосен, угадывалась свинцовая, бурлящая масса Финского залива. В салоне пахло сырой шерстью, старой кожей и крепким кофе из термоса, который Елена держала на коленях.

После утреннего разговора с Шестаковым она чувствовала себя опустошенной. Решение руководства клиники отстранить ее от практики и изъять медицинские карты пациентов было сокрушительным ударом. Ее лишили возможности помогать тем, кто в этом нуждался больше всего, но, что еще хуже, систему пытались закрыть от любого внешнего анализа.

— Ты слишком тихо сидишь, — негромко произнес Виктор, не отрывая взгляда от залитой дождем дороги. — Думаешь о Шестакове?

— Думаю о том, как легко они могут стереть человека из профессии, — ответила Елена, глядя на то, как капли дождя расплываются на боковом стекле. — Несколько звонков от попечителей, одна формальная комиссия — и все. Твои исследования объявляются маргинальными, твои методы — ненаучными. Но больше всего меня пугает то, с какой готовностью Шестаков пошел на это. Он ведь умный человек, прекрасный диагност. Он не может не видеть, что происходит с детьми.

— Он видит, — Виктор коротко кивнул. — Но он также видит бюджеты клиники, свои гранты и свое спокойствие. Для большинства людей комфортное бездействие всегда предпочтительнее опасного знания. Это называется социальной конформностью. Общество предпочитает закрывать глаза на системные сбои, пока они не коснутся их лично. Но мы едем к человеку, который слишком хорошо знает, к чему приводит такое самодовольство.

Машина свернула с шоссе на узкую асфальтированную дорогу, ведущую в глубь дачного поселка. Миновав несколько глухих заборов, «Вольво» остановился у небольшого двухэтажного дома из потемневшего от влаги бруса. В окнах первого этажа горел мягкий, теплый свет.

Кирилл Савельевич Левченко, бывший советник Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, встретил их на веранде. Это был высокий, сухопарый мужчина лет семидесяти в шерстяном кардигане крупной вязки. Его лицо, бледное и покрытое сетью мелких морщин, казалось спокойным, но в глубоко посаженных темных глазах светился острый, тренированный ум аналитика.

— Входите, входите скорее, — Левченко жестом пригласил их в дом. — Погода сегодня совсем не располагает к прогулкам.

Внутри дом Левченко напоминал одновременно библиотеку и архив. Все стены просторной гостиной были заставлены книжными шкафами, на полках которых громоздились папки-регистраторы, книги на разных языках и стопки старых газет. В углу тихо потрескивал камин, наполняя комнату сухим теплом и легким запахом березовых дров.

Хозяин дома разлил по чашкам горячий травяной чай и указал гостям на глубокие кресла у камина.

— Виктор вкратце обрисовал мне ситуацию, — начал Левченко, устраиваясь напротив них. — Вы столкнулись с тем, что современные технологические гиганты называют «оптимизацией пользовательского опыта», а на самом деле это высокотехнологичная система управления поведением. И вас удивляет, что закон бессилен, а общество предпочитает ничего не замечать?

— Меня удивляет масштаб, — призналась Елена. — И то, с какой скоростью меняется психика детей под этим воздействием.

Левченко горько улыбнулся и покачал головой.

— Скорость — это единственное принципиальное отличие современных систем от их аналоговых предшественников. Математический код просто автоматизировал процессы, которые человечество разрабатывало и обкатывало на протяжении всего двадцатого века. За любым масштабным гражданским конфликтом, за каждым геноцидом или массовым помешательством часто обнаруживается предварительная психологическая обработка населения через доступные каналы коммуникации. Изменяются лишь инструменты доставки информации, но не принципы воздействия на человеческий мозг.

Он поднялся, подошел к одному из шкафов и достал тяжелую, плотно набитую папку с эмблемой ООН на обложке.

— Давайте обратимся к истории, которую международное сообщество так старательно пытается забыть, — Левченко положил папку на журнальный столик перед Еленой. — Руанда, 1994 год. Сто дней, за которые были зверски убиты около восьмисот тысяч человек. Большинство убийств было совершено не регулярной армией, а обычными гражданами — соседями, которые еще вчера мирно жили бок о бок. Как удалось превратить обычных крестьян в безжалостных палачей за столь короткий срок?

Елена открыла папку. Внутри были копии отчетов Международного трибунала, расшифровки радиоэфиров и аналитические записки.

— Одним из ключевых инструментов разжигания ненависти стало «Радио тысячи холмов» — RTLM, — продолжил Левченко. — В стране с низким уровнем грамотности радио было основным источником информации. Пропаганда на «Радио тысячи холмов» в Руанде использовала простые лингвистические маркеры дегуманизации, и сыграла важную роль в разжигании насилия против

тутси и умеренных хуту. Вещание не было скучным или официозным. Там крутили отличную популярную музыку, ведущие шутили, общались со слушателями в прямом эфире. Это создавало атмосферу дружелюбия, доверия и сопричастности. И в эту легкую, развлекательную сетку вещания методично встраивались маркеры ненависти.

Левченко указал пальцем на одну из расшифровок эфира от марта 1994 года.

— Посмотрите на терминологию. Тутси никогда не называли людьми. Их называли «inyenzi» — тараканами. Ведущие радиостанции изо дня в день повторяли: «Вы должны очистить свою землю от тараканов. Если вы оставите хоть одного, они вернутся и убьют вас». Использовался и другой маркер — «высокие деревья». В эфире звучали призывы: «Валите высокие деревья». Для обывателя это звучало как метафора, но для подготовленной толпы это был прямой приказ к началу резни. Дегуманизация была настолько успешной, что убийство человека другой этнической группы воспринималось не как преступление, а как санитарно-гигиеническая процедура. Очистка территории.

Елена внимательно читала документы, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

— Это поразительно похоже на то, что я вижу в цифровых сообществах, — тихо произнесла она. — Там тоже используется специфический сленг. Оппонентов или тех, кто не вписывается в группу, называют «биомусором», «ботами», «токсичными элементами». Происходит то же самое лишение человеческих качеств.

— Опасное сходство есть, — подтвердил Левченко. — Но в Руанде этот процесс требовал месяцев непрерывного радиовещания на всю страну. Сегодня алгоритмам социальных сетей не нужно вещать на всех. Они создают изолированные информационные пузыри для каждого конкретного пользователя. Если система фиксирует устойчивый интерес к агрессивному, унизительному или травматичному контенту, она может снова и снова возвращать человека в похожую среду, усиливая его обиду, страх или ярость. Процесс дегуманизации оппонентов автоматизирован. В этих пузырях

поощряется агрессия и ненависть, потому что именно эти эмоции вызывают наибольшую вовлеченность и удерживают пользователя у экрана.

Виктор, до этого молча слушавший, подался вперед.

— Кирилл Савельевич, но ведь в Руанде международное сообщество видело, что происходит. Почему никто не вмешался? Почему не заглушили это радио?

Левченко тяжело вздохнул и посмотрел на огонь в камине.

— Это самый болезненный вопрос. Генерал Ромео Даллер, командующий Миссией ООН в Руанде, предупреждал о рисках, просил усилить мандат и возможности миссии, а вопрос о прекращении опасного радиовещания обсуждался слишком поздно и слишком нерешительно. Позже он описывал Руанду как трагедию, которую мир не захотел увидеть вовремя.

Левченко перевернул страницу отчета.

— В тот период внимание мировых держав было приковано к другому региону. Даллер вспоминал, что на фоне нескольких международных кризисов бывшая Югославия занимала несоразмерно больше места в политическом и медийном внимании, маленькая страна в самом сердце Африки переживала свою трагедию и, по сути, была брошена на произвол судьбы. Информация поступала не только от военных на местах, но и через дипломатов, неправительственные организации. Но это просто не попало на экран радара мировых держав. А язык ненависти, дегуманизация и дезинформация относятся к ранним предупреждающим признакам массового насилия. Об этом неоднократно говорили в системе ООН, в том числе Антониу Гутерриш.

— Но в Югославии, на которую были направлены все ресурсы, происходило то же самое, не так ли? — спросил Виктор.

— Именно, — Левченко достал вторую папку, более тонкую, с надписью «Балканы. 1991–1999». — В ходе югославских конфликтов конца двадцатого века пресса, радио и телевидение играли значительную роль в разжигании страха, националистической мобилизации и межэтнической ненависти. Это был не только стихийный взрыв ненависти между соседями, но и организованная пропагандистская среда, которая годами готовила людей воспринимать бывших сограждан как врагов.

Он открыл схему структуры пропагандистского аппарата Белграда начала девяностых годов.

— Центральную роль в этой системе играли специалисты из Военно-медицинской академии в Белграде, в частности группа под руководством военного нейропсихиатра полковника Братислава Петровича. Петрович был не просто врачом, он был ведущим специалистом по психологической борьбе и борьбе с так называемыми «сектами». Его группа занималась психологической обработкой и индоктринацией офицеров и солдат перед отправкой на фронт. Они создавали идеологическую основу для ведения войны с крайней степенью жестокости.

Елена всмотрелась в имена на схеме.

— Посмотрите на редакционный совет журнала «Белградский диалог», — Левченко указал на список имен внизу страницы. — Этот журнал издавался церковно-миссионерскими структурами Сербской православной церкви. В редакционный совет этого издания, наряду с радикальным сербским духовенством, входили Йоханнес Огорд и Александр Дворкин.

Елена почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Имя Дворкина снова всплыло, но теперь уже не в контексте локальных российских споров, а в связке с международной сетью, причастной к подготовке балканской трагедии.

— Дворкин работал там? — спросила она.

— Он активно сотрудничал с сербскими антикультистами как минимум с середины девяностых годов.

Профессор взял со стола книгу сербского историка Милорада Томанича «Srpska crkva u ratu i ratovi u njoj» и зачитал цитату:

«Потребовалось немало усилий, чтобы убедить сербов в правоте всего того, что делали некоторые представители их народа во время войн 1990-х годов. Сербский народ нужно было убедить в том, что он всегда вёл оборонительные и справедливые войны, которые неизменно начинались другими. Задача убедить обычного, среднестатистического человека оставить мирную семейную жизнь, пойти на фронт и начать убивать, а затем ещё и внушить ему, что сравнять Вуковар с землёй и держать Сараево в осаде более тысячи дней — это угодные Богу поступки праведных сербов, была далеко не простой. Для всего этого была

необходима хорошо разработанная идеология. Без неё отношение большинства сербов ко всему, что происходило в 1990-е годы, скорее всего, было бы совершенно иным. Или, как говорит социолог Лео Купер: “По крайней мере, действуя коллективно, им нужна идеология, чтобы легитимизировать своё поведение, потому что без неё им пришлось бы видеть себя и друг друга такими, какие они есть на самом деле — обычными ворами и убийцами”».

Левченко закрыл книгу и аккуратно положил ее на стол.

— Идеология превосходства и образ «праведной оборонительной войны» — вот что создавали эти специалисты. И Дворкин перенес эти наработки в Россию. Его организация РАЦИРС, действует по тем же лекалам, что и Апологетический центр Вальтера Кюннета в нацистской Германии или группа Петровича в Сербии. Сначала создается образ врага в лице малых религиозных групп, их дегуманизируют, называют «тоталитарными сектами» и «экстремистами». Общество приучают к мысли, что эти люди — неполноценные, опасные, что они находятся за пределами моральных рамок. А затем запускается маховик государственных репрессий.

— Но ведь Свидетели Иеговы или другие группы, которые они преследуют, абсолютно мирные люди, — заметила Елена. — Они принципиально не берут в руки оружие.

— В этом и заключается парадокс, — тихо произнес Левченко. — Государство, готовящееся к тоталитарному контролю и внешней агрессии, больше всего боится людей, которые сохраняют внутреннюю свободу и верность своим нравственным принципам. Им нужны граждане, готовые выполнять любые приказы, не задумываясь. А те, кто отказывается ненавидеть по указке сверху, становятся первыми мишенями для дегуманизации. Как нацистский режим преследовал евреев и Свидетелей Иеговы, которых в лагерях маркировали лиловыми треугольниками, так и любое современное общество, привыкшее к языку исключения и подозрения, может молча одобрить репрессии против своих же сограждан. Люди не понимают, что, соглашаясь на уничтожение прав одной группы, они сами подписывают себе приговор. Завтра в список «нежелательных» может попасть любой.

Виктор поднялся и подошел к окну. Дождь за стеклом не прекращался, ветер гнал пожухлые листья по мокрой траве сада.

— Значит, алгоритмы социальных сетей — это просто новый, невероятно эффективный способ доставки старой методологии дегуманизации и исключения? — спросил он.

— Именно так, — Левченко подошел к нему и положил руку на плечо. — Раньше для дегуманизации требовались радиостанции, газеты, лекторы, которые ездили по стране. Это был медленный и ресурсоемкий процесс. Сегодня алгоритм делает это мгновенно и незаметно. Он анализирует психотип подростка, находит его болевые точки — одиночество, страх, обиду — и начинает аккуратно, шаг за шагом, встраивать в его сознание нужные маркеры. Система создает для него персональную реальность, где насилие кажется единственным выходом, а оппоненты лишены человеческого облика. Это автоматизированная фабрика по производству ненависти.

Елена смотрела на пожелтевшие документы из Руанды и Югославии. Перед ее глазами стояли лица ее пациентов — Софьи, Юли, Максима. Они казались ей теперь не просто жертвами подросткового кризиса или несчастной любви. Они были первыми потерями в этой новой, невидимой войне, которую вела против человечества бездушная цифровая система, использующая старые приемы демонизации врага и новые инструменты доставки контента.

— Мы должны остановить это, — тихо, но твердо сказала она. — Если мы не покажем людям эти связи, если не объясним, что их эмоциями и страхами можно манипулировать с помощью старых техник дегуманизации, усиленных цифровыми алгоритмами, мы потеряем целое поколение.

Левченко внимательно посмотрел на нее. В его взгляде читалось уважение и одновременно глубокая тревога.

— Это очень опасный путь, Елена Владимировна. Те, кто координирует эту сеть на международном уровне, обладают колоссальными ресурсами. Они не остановятся перед тем, чтобы уничтожить любого, кто попытается разрушить их монополию на управление сознанием. Вы уже потеряли работу в клинике. Дальше давление будет только усиливаться.

— У меня больше нет выбора, — ответила Елена, поднимая глаза. — Я видела шрамы на руках этих детей. Я видела глаза их родителей. Если я промолчу сейчас, я стану соучастницей этого преступления. Как те сотрудники ООН, которые предпочитали не замечать предупреждений генерала Даллера в Руанде.

Виктор повернулся от окна. Его лицо было спокойным и сосредоточенным.

— Мы не промолчим, Кирилл Савельевич. У нас есть данные от Дениса Волкова, есть ваши архивы, есть клинические исследования Елены. Мы начнем собирать этот пазл воедино. И мы заставим общество увидеть то, от чего оно так старательно отворачивается.

Левченко молча подошел к своему столу, открыл ящик и достал оттуда небольшой, плотно запечатанный конверт без адреса.

— Это копии личных писем и отчетов Йоханнеса Огорда периода его работы в «Белградском диалоге», — тихо сказал он, протягивая конверт Виктору. — Там есть детальные описания методов индоктринации. Эти документы никогда не публиковались. Берегите их. И будьте очень осторожны. Вы даже не представляете, в какое осиное гнездо вы только что наступили.

Когда они вышли из дома Левченко, шторм утих, оставив после себя тяжелую, сырую тишину. Финский залив глухо шумел в темноте, накатывая черные волны на песчаный берег. Елена села в машину и прижала к груди конверт с документами. Она понимала, что их жизнь уже никогда не будет прежней. Они заглянули в бездну, которая смотрела на них миллионами светящихся экранов по всему миру, и эта бездна медленно начинала движение им навстречу.

Глава 6. Международная паутина

Лист бумаги, извлеченный из запечатанного конверта Кирилла Савельевича Левченко, слегка дрожал в пальцах Елены. На пожелтевшей

странице, датированной ноябрем 1995 года, стоял угловатый штамп «Белградского диалога». Текст, отпечатанный на старой пишущей машинке с западающей буквой «о», представлял собой копию конфиденциального отчета. В нем детально описывалось, как религиозная риторика может быть использована для мобилизации общественного мнения в условиях затяжного гражданского конфликта.

Елена сидела за кухонным столом в своей квартире. За окном занималось тусклое ноябрьское утро, больше похожее на продолжение затянувшихся сумерек. Дождь прекратился, но воздух был настолько влажным, что стекла окон изнутри покрылись мелкой сеткой конденсата. На столе, рядом с остывшей чашкой чая, лежали распечатки, которые они с Виктором изучали всю ночь.

— Посмотри на адресатов этого отчета, — Елена указала пальцем на верхний правый угол страницы. — Здесь указан не только Апологетический центр в Германии. Копия была направлена в Париж.

Виктор, стоявший у окна с зажатой в зубах погасшей сигаретой, медленно повернулся. Его лицо после бессонной ночи казалось серым, под глазами залегли глубокие тени.

— Да, — тихо произнес он. — Международная антикультовая сеть. Это не просто группа обеспокоенных граждан. Это зонтичная структура, которая объединяет ассоциации в десятках стран мира и использует государственное финансирование для борьбы с религиозными меньшинствами и правозащитниками.

Он подошел к столу и положил на него свой блокнот.

— Российское отделение этой сети — РАЦИРС, созданное Дворкиным, — активно сотрудничало с европейскими структурами, координируя кампании по дискредитации мирных объединений граждан. Они обменивались не просто информацией. Они обменивались методологиями давления. И то, что у нас сейчас происходит под видом борьбы за духовную безопасность, — это обкатанная в Европе система подавления любого инакомыслия.

— Но как им удается сохранять респектабельный вид? — спросила Елена. — Ведь сеть имеет статус участника при Совете Европы. Они выступают на международных площадках, их цитируют крупные СМИ.

— Вот это нам и нужно выяснить, — Виктор достал из кармана телефон. — У меня есть контакт в Италии. Человек, который много лет занимается независимыми расследованиями деятельности местных антикультовых групп. Его зовут Франческо Каронна. Он адвокат, правозащитник. Я связался с ним вчера через защищенный канал. Он согласился поговорить, но предупредил, что обычная связь небезопасна. Нам нужно место с хорошим шифрованием.

— В клинику мне возвращаться нельзя, — заметила Елена. — Шестаков наверняка уже заблокировал мои пропуска, да и заходить туда сейчас — значит подставляться под удар.

— Мы поедем на Фонтанку, — Виктор спрятал телефон. — Там находится офис независимого юридического центра, которым руководит мой старый знакомый Дмитрий Резник. Он помогает беженцам и людям, столкнувшимся с давлением государственных структур. У него есть техническая возможность организовать безопасный мост с Миланом. Одевайся. Нам нужно спешить, пока город окончательно не встал в утренних пробках.

Офис Дмитрия Резника располагался в полуподвальном помещении старого доходного дома на набережной Фонтанки. Чтобы попасть внутрь, нужно было спуститься по скользким каменным ступеням в узкий двор-колодец, где пахло сыростью и старыми кирпичами. Внутри было тепло, но неуютно: вдоль стен тянулись стеллажи с архивными коробками, на столах громоздились стопки юридической литературы, а в углу тихо шумел системный блок компьютера.

Сам Резник — невысокий, плотный мужчина с быстрыми движениями и умными, усталыми глазами — встретил их без лишних вопросов. Он быстро запер входную дверь на засов и жестом пригласил гостей в небольшую комнату в глубине помещения, где стоял терминал для видеоконференций.

— Виктор, Елена Владимировна, проходите, — Дмитрий быстро застучал по клавишам ноутбука. — Канал связи я подготовил. Мы используем сквозное шифрование через швейцарские серверы. Франческо уже на связи. Он ждет.

Экран монитора моргнул, и на нем появилось изображение просторного кабинета с высокими потолками, типичного для старых зданий Милана. За большим письменным столом, заваленным бумагами, сидел мужчина лет

пятидесяти пяти в строгом сером костюме. У него были аккуратно подстриженные седые волосы, тонкие черты лица и очень серьезный, сосредоточенный взгляд.

— Добрый день, Виктор, — произнес Франческо Каронна на хорошем английском языке с легким итальянским акцентом. — Рад видеть вас в безопасности. Здравствуйте, доктор Зорина. Я наслышан о вашей ситуации в Санкт-Петербурге. Поверьте, то, что происходит сейчас у вас, — это очень похоже на процессы, которые в Европе обсуждают уже больше двух десятилетий.

— Спасибо, что согласились поговорить, Франческо, — сказал Виктор, присаживаясь перед экраном. — Нам нужно понять структуру европейской сети и то, как российское отделение РАЦИРС интегрировано в эту систему. Мы обнаружили документы, связывающие Дворкина с европейскими кампаниями еще в девяностые годы.

Каронна вздохнул и поправил очки.

— Начнем с FECRIS — это очень интересная структура, — начал он. — Несмотря на государственное финансирование, которое они получают в основном из бюджета французского правительства через организацию MIVILUDES, и аккредитацию в Совете Европы, эта федерация ассоциаций, входящих в FECRIS, по сути, является фикцией, полупустой оболочкой. Внешний вид разветвленной и мощной организации — это лишь видимость, созданная для медиа и политиков.

Итальянский правозащитник вывел на разделенный экран своего монитора несколько документов.

— Посмотрите на факты, которые мы собрали в ходе расследования. Некоторые функционеры и национальные ассоциации FECRIS опирались не на крупные исследовательские институты, а на небольшие активистские структуры и частные адреса. Но благодаря французским государственным средствам они регулярно участвуют в «международных» конференциях, проводимых в разных странах Европейского Союза, создавая иллюзию авторитетного экспертного сообщества.

— Но если они не профессионалы, то как они влияют на политику? — спросила Елена.

— Их сила — в агрессивном лоббировании и манипуляции общественным мнением, — ответил Каронна. — Основная деятельность этих ассоциаций включает постоянную работу с резонансными историями вокруг «культов» и «сект», а также активное использование свидетельств бывших участников групп как главного доказательного материала для медиакампаний. Они действуют как специализированная сеть репутационного давления. В ходе своей деятельности антикультисты вовлекают политиков, чувствительных к теме общественной безопасности, которые выдвигают законы и резолюции, ограничивающие пространство для религиозных меньшинств, а также добиваются внимания прокуратуры и полиции к тем группам, которые сами заранее маркируют как опасные.

Франческо сделал глоток воды из стакана и продолжил:

— В Италии у нас действует так называемый Антикультовый форум — FAVIS, CeSAP, ARIS Veneto и ARIS Toscana. Это не государственная структура, а круг активистских организаций, которые критики называют инструментами давления на спорные религиозные и духовные группы. Их цель — поддерживать высокий уровень тревоги вокруг темы «сект». Они делают это, постоянно распространяя тревожные новости. Они искажают, раздувают и выворачивают информацию и статистику так, чтобы люди поверили: в Италии есть тысячи «опасных культов» — практически на каждом углу, — которые обманывают сотни тысяч простых людей и одурачивают миллионы неспособных сопротивляться манипуляции граждан. Когда нет новостей, которые можно исказить, они попросту создают информационный повод из сомнительных или непроверенных историй.

— Вы упомянули обход конституционных ограничений, — вмешался Виктор. — Как именно они это делают?

Лицо Каронны стало еще более суровым.

— Под маской защиты общества от сект эти группы исторически оправдывали практики принудительного «депрограммирования», а в европейских и американских антикультовых кругах были известны дела, связанные с незаконным удержанием людей и давлением на них с целью заставить отказаться от убеждений. В Италии такие истории всплывали также.

— Как это возможно в правовом европейском государстве? — удивилась Елена.

— Дело в том, что они внедрили своих агентов влияния в правоохранительные органы и судебную систему, — пояснил Франческо. — В Италии при Министерстве внутренних дел существует специальное подразделение — S.A.S., Squadra Anti-Sette, Антикультовый отряд. Официально они должны бороться с преступлениями внутри религиозных групп. Но сам факт контактов S.A.S. с антикультовыми активистами вызывал вопросы о границе между расследованием преступлений и идеологической кампанией против малых групп.

Он открыл на экране копию официального письма.

— Посмотрите на этот документ. Это письмо, которое критики связывают с сотрудником S.A.S. Бруно Замбоном и перепиской с ARIS Toscana в апреле 2012 года. Сама риторика показательна:

«Мы должны противостоять силе врага… Даже если в итоге останемся в одиночестве и будем заклеймены как сумасшедшие фанатики».

— Это менталитет крестового похода, — прокомментировал Каронна. — Они не действуют как исследователи или беспристрастные полицейские. Любой, кто не разделяет их взгляды, автоматически считается «врагом». Даже их институциональные союзники мыслят в терминах войны. Такая практика может ставить вопросы о клевете, злоупотреблении доверием и конфликте интересов. Но доказать это юридически сложно: формально речь идет о защите граждан от злоупотреблений, и именно эта формула прикрывает многие спорные действия.

Елена слушала итальянского собеседника, и перед ее глазами складывалась пугающая мозаика. Международная паутина, о которой они догадывались, обретала конкретные имена, адреса и номера документов.

— Франческо, — произнес Виктор, подавшись вперед к камере. — А какова роль Александра Дворкина и РАЦИРС в этой европейской структуре? Действительно ли они просто рядовые участники, как пытаются представить их адвокаты?

Каронна на экране покачал головой.

— О нет, Виктор. Это глубокое заблуждение. Из материалов расследований, в том числе представленных в недавних независимых публикациях, мы знаем, что российское звено FECRIS было не периферийным участником. Дворкин с 2009 года занимал пост вице-президента FECRIS, а российские структуры вокруг Центра имени Иринея Лионского и РАЦИРС стали одним из самых радикальных и политизированных узлов этой сети.

Он вывел на экран хронологию международных контактов.

— Давайте обратимся к фактам. В 2009 году на симпозиуме FECRIS в Санкт-Петербурге Дворкин стал вице-президентом этой организации. Это зонтичная структура, которая легализует его деятельность на международном уровне. На том же симпозиуме состоялись официальные встречи руководства FECRIS с министром юстиции РФ Александром Коноваловым и судьей Конституционного суда РФ Сергеем Казанцевым. Это показывает, на каком высоком уровне координировались их действия. Дворкин до сих пор входит в правление FECRIS, что позволяет ему напрямую обмениваться информацией, ресурсами и стратегиями с другими антикультовыми организациями в Европе и за ее пределами.

— И европейские лидеры FECRIS не видят в этом проблемы? — спросила Елена. — Ведь Дворкин и его соратники открыто поддерживают репрессивные меры, которые полностью противоречат европейским конвенциям о правах человека.

— Они не просто не видят проблемы, они активно сотрудничают, — ответил Франческо. — Посмотрите на список участников ежегодных конференций FECRIS. Из года в год одни и те же лица делят сцену с Дворкиным. В 2021 году в Бордо новоназначенная глава французской правительственной службы MIVILUDES Анэн Ромдхан выступала вместе с ним. В 2019 году в Париже представитель MIVILUDES Анн-Мари Кураж делила с ним сцену. В 2018 году в Риге представитель MIVILUDES Лоренс Пейрон выступала вместе с Дворкиным. В 2017 году в Брюсселе генеральный секретарь MIVILUDES Анн Жоссо делила сцену с Дворкиным и его личным адвокатом Александром Кореловым. В 2016 году в Софии бывший президент MIVILUDES Серж Блиско выступал вместе с Дворкиным и Романом Силантьевым.

Каронна перелистнул слайд.

— А теперь посмотрите, кто такой Роман Силантьев, соратник Дворкина по РАЦИРС. Он известен жесткой риторикой о «деструктивных» движениях, исламских организациях и «религиозном экстремизме», а критики связывают его экспертную деятельность с российской силовой повесткой. А второй человек в российской антикультовой сети, Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС, ведет агрессивную пропаганду, называет оппонентов «сатанистами» и «нацистами», ездит на автомобиле с символикой военной агрессии и открыто заявляет о неизбежности глобальной цивилизационной войны. И эти люди на протяжении многих лет оставались частью международного антикультового контура, который пользовался французской и европейской институциональной легитимностью!

— Это кажется абсолютным абсурдом, — тихо произнесла Елена. — Европейские демократические институты добровольно финансируют и поддерживают структуру, которая годами не замечала политическую радикализацию своего российского звена.

— Это не абсурд, доктор Зорина, — печально улыбнулся Каронна. — Это результат очень тонкой и долгосрочной работы по созданию экспертной репутации там, где обычный человек видит только страшное слово «секта». Антикультисты используют дезинформационные кампании для создания негативного образа целевых организаций. Они начинают с публикации односторонней или непроверенной информации в СМИ, тиражируют истории о вреде, который якобы наносят эти группы обществу, используют свидетельства бывших участников как универсальный аргумент. И под этим предлогом они проталкивают законы, которые ограничивают свободу мысли и совести для всех граждан.

Он вывел на экран карту мира с нанесенными на нее логотипами организаций.

— FECRIS — это глобальная сеть. В нее входят не только европейские группы. Посмотрите: британская The Family Survival Trust, с которой связаны Том Сэквиль и Александра Штейн. Американская ICSA, в которой работали или публиковались известные авторы антикультового направления, включая

Джанью Лалич; рядом в ссылках и профессиональных контактах фигурируют Стивен Хассен, Рик Росс и другие участники англоязычного антикультового поля. Они создали единый информационный контур. Если им нужно дискредитировать какую-то группу в Италии, они сначала запускают негативную кампанию в России или Китае, затем ссылаются на эти публикации как на «международный опыт» и требуют от итальянских властей принять меры.

— И это работает? — спросил Виктор.

— К сожалению, да, — кивнул Франческо. — В 2011 году в Бельгии по инициативе Андре Фредерика, бельгийского политика, позднее ставшего президентом FECRIS, была продвинута норма «О злоупотреблении слабостью». Этот закон сформулирован широко и потому вызывает опасения у критиков: при расширительном толковании он может использоваться не только против реальных злоупотреблений, но и против непопулярных духовных или философских движений. Это потенциально опасный инструмент, если его применять вне строгих правовых рамок.

В комнате на набережной Фонтанки повисла тяжелая тишина. Было слышно, как в коридоре тихо переговариваются сотрудники Дмитрия Резника, обсуждая очередное дело о депортации. На экране монитора Франческо Каронна аккуратно собирал свои бумаги.

— Франческо, — произнес Виктор после долгой паузы. — То, что вы рассказали, подтверждает наши худшие опасения. Мы имеем дело не с локальным перегибом на местах. Это глобальная система контроля, которая использует страх перед «сектами» как прикрытие для демонтажа демократических институтов и свободы совести. Но как мы можем противостоять им, если они контролируют суды, полицию и медиа?

— «По плодам их узнаете их», — тихо процитировал Каронна древнюю истину. — Их главное оружие — это скрытность и ложь. Они сильны до тех пор, пока общество верит, что они защищают детей и борются с опасными культами. Но как только мы показываем их истинное лицо — их связи со спецслужбами, их методы психологического насилия, их финансовые махинации и их фанатичный менталитет — их защита начинает рушиться.

Он посмотрел прямо на Елену.

— Доктор Зорина, то, что вас отстранили от практики, — это их стандартный метод. Они пытаются заставить замолчать любого, кто осмеливается беспристрастно изучать альтернативные формы духовности или критиковать их методы. Они будут засыпать вас исками, доносами, обвинять в «пособничестве сектам». Но вы не должны отступать. У вас есть клинические доказательства их воздействия на детей. У Виктора есть опыт расследований. Объедините это. Мы в Италии продолжаем борьбу, несмотря на давление S.A.S. Мы готовим материалы для парламентского расследования деятельности этих групп. Если мы сможем нанести удар по их репутации одновременно в нескольких странах, эта паутина начнет рваться.

— Спасибо, Франческо, — Виктор поднялся и протянул руку к камере в знак прощания. — Мы продолжим работу. Держите нас в курсе ваших успехов в Милане.

— Берегите себя, друзья, — ответил Каронна. — И помните: нетерпимость опасна не тем, чем она является сегодня, а тем, к чему она приведет завтра. Всего доброго.

Экран монитора погас, оставив после себя лишь серое мерцание. Дмитрий Резник быстро подошел к терминалу и отключил кабели шифрования.

— Ну что? — спросил он, поворачиваясь к Виктору и Елене. — Теперь вы понимаете, во что ввязались? Это не просто Дворкин с его лекциями. Это международная сеть влияния, которая прикрывается языком защиты жертв, пользуется государственной и межгосударственной легитимностью, заимствует методы стигматизации из самых мрачных политических практик XX века и имеет контакты с российскими силовыми и экспертными структурами.

Елена медленно поднялась с кресла. Ее усталость куда-то исчезла, уступив место холодной, звенящей решимости. Она посмотрела на свои руки, затем на распечатки документов, лежащие на столе.

— Они думают, что, лишив меня работы, они лишили меня силы, — тихо произнесла она. — Но они ошиблись. Теперь у меня развязаны руки. Я больше не связана корпоративной этикой клиники или требованиями Шестакова. Мы покажем эту связь, Виктор. Мы заставим их ответить за каждого ребенка,

которого они подтолкнули к саморазрушению, травле или насилию в этой невидимой войне ярлыков.

Виктор молча кивнул, собирая документы в свой портфель. Он знал, что впереди их ждет самый сложный этап. Им нужно было легализовать полученные данные, превратить конфиденциальные отчеты и записи шифрованных разговоров в юридические доказательства, которые невозможно будет проигнорировать в суде. И для этого им требовалось найти слабое место в той самой псевдонаучной броне, которой антикультисты прикрывали свои преступления.

Они вышли из полуподвала на набережную Фонтанки. Холодный ветер с залива мгновенно швырнул им в лицо пригоршню ледяных брызг. Темная, почти черная вода реки быстро несла свои волны под гранитными мостами, отражая тусклые огни проезжающих машин. Город продолжал жить своей обычной, суетливой жизнью, даже не подозревая, что нити невидимой международной паутины уже натянулись до предела, готовые лопнуть от первого точного удара.

Глава 7. Экспертиза как террор

Сырой ноябрьский ветер гнал по набережной Фонтанки обрывки газет и мокрый снег, который тут же таял на холодном граните. В небольшом кабинете юридического центра Дмитрия Резника было тихо. Лишь монотонно гудел старый обогреватель, да шуршали страницы архивных дел, которые Виктор один за другим доставал из плотных картонных коробок. После ночного разговора с Миланом и изучения документов, переданных Левченко, стало очевидно: международная сеть нуждалась в местном, бесперебойно работающем механизме легализации своих решений. И этим механизмом в России стала судебная экспертиза.

Виктор сидел за столом, обложившись распечатками судебных решений за последние пятнадцать лет. Перед ним лежала схема, которую он набросал на скорую руку. В центре ее стояла дата — 2009 год.

— Именно тогда один из ключевых рычагов оказался в руках людей из антисектантского круга, — произнес Виктор, не обращаясь ни к кому конкретно.

Елена, сидевшая напротив и внимательно изучавшая текст книги «Сектоведение», подняла голову.

— Ты имеешь в виду назначение Дворкина?

— Да, — Виктор постучал карандашом по бумаге. — В 2009 году Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Его заместителями стали Роман Силантьев и Валиулла Якупов. В состав совета вошли представители разных ведомств, вузов и религиозных организаций, но среди них были и люди, связанные с антисектантским направлением: сам Дворкин как президент РАЦИРС, Александр Кузьмин как руководитель Саратовского отделения Центра религиоведческих исследований, а также Роман Силантьев, занимавший пост заместителя председателя совета. Это был не просто кадровый сдвиг. Это был фактический захват государственного института, призванного обеспечивать объективность и законность религиоведческой экспертизы. С этого момента экспертиза из инструмента установления истины превратилась в оружие обвинения. Вместо научных исследований начался массовый выпуск заказных заключений, призванных обосновать любые репрессивные меры.

Виктор вытащил из папки копию судебного решения Ленинского районного суда Томска от 2011 года.

— Вот он, один из самых громких процессов, где эта логика стала видна публично. Попытка признать экстремистским материалом русскоязычное издание «Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод священного индуистского текста, используемый кришнаитами. Процесс был начат прокуратурой Томска на основании экспертных материалов; в публичной поддержке запрета и в антикришнаитской кампании заметно участвовали представители антисектантского круга, включая Максима Степаненко,

Александра Дворкина, Александра Корелова. Они использовали этот процесс как показатель того, насколько далеко может зайти антиэкстремистская логика применительно к религиозным текстам. Им нужно было проверить, насколько далеко может зайти судебная система, опираясь на спорные экспертные заключения, которые религиоведы и правозащитники считали методологически слабыми и опасными для свободы совести.

— И система едва не проглотила это, — тихо заметила Елена. — Если бы не международный скандал и протесты в Индии, книга могла бы попасть в Федеральный список экстремистских материалов.

— Но они не остановились, — Виктор помрачнел. — Этот процесс показал им, что суды могут всерьёз рассматривать даже крайне спорные обвинения, если они оформлены в виде экспертного заключения и поддержаны прокуратурой. Они создали важный сигнал: религиозный текст или объединение можно переводить из плоскости богословского спора в плоскость «экстремизма». Позднее именно такая логика стала одной из основ кампании против Свидетелей Иеговы, завершившейся решением Верховного суда РФ 20 апреля 2017 года о ликвидации их Управленческого центра и 395 местных организаций. Вся эта кампания строилась на методологии стигматизации, разработанной антикультистами. И ключевым элементом этой методологии была именно экспертиза: лингвистическая, психологическая, религиоведческая, а иногда и их гибриды.

Чтобы понять, как этот механизм ломал человеческие судьбы на практике, Виктор решил встретиться с человеком, который лично прошел через эти жернова.

Адвокат Михаил Семенович Широков жил в типовой панельной многоэтажке на окраине Приморского района. Когда-то у него была успешная практика в центре города, просторный офис и репутация одного из лучших специалистов по гражданским делам. Сегодня от его прежней жизни остались лишь стопки юридической литературы в коридоре да старая пишущая машинка на подоконнике.

Широков, невысокий мужчина с тихим голосом и быстрыми, нервными движениями рук, налил Виктору чай в простую граненую кружку. На нем был

поношенный домашний кардиган, а в глазах читалась глубокая, застарелая усталость человека, который пытался бороться с ветряными мельницами и потерял все.

— Вы хотите знать, как я лишился статуса? — Широков горько усмехнулся, присаживаясь напротив Виктора за узкий кухонный стол. — Все очень просто. В 2014 году я взялся защищать местную общину Свидетелей Иеговы. Тогда их еще не запретили полностью, но кампания уже шла полным ходом. Местная прокуратура подала иск о признании их брошюр экстремистскими материалами. В качестве главного доказательства обвинение представило комплексную экспертизу, подготовленную неким «Центром культурологических и религиоведческих исследований».

Широков достал из ящика стола пожелтевшую копию того заключения и положил ее перед Виктором.

— Я начал изучать эту фирму, — продолжил адвокат. — Оказалось, что это типичная «однодневка». В штате — только директор и бухгалтер, никакого оборота, никакого реального опыта работы. Судебно-экспертная деятельность даже не была указана в их открытом реестре хозяйственной деятельности. А сам «эксперт», подписавший заключение, не имел ни профильного религиоведческого образования, ни научных трудов. Обычный активист из местной епархии, прослушавший лекции Дворкина. Но в суде его заключение приняли как истину в последней инстанции.

— Что именно было в этом заключении? — спросил Виктор.

— Субъективное мнение, не подкрепленное никакими научными фактами, — Широков эмоционально взмахнул рукой. — Эксперт делал юридические выводы, которые выходили далеко за рамки его компетенции. Он прямо писал, что деятельность организации «направлена на подрыв государственной безопасности» и «разрушение семейных ценностей». Когда я указал на это в суде, когда потребовал провести повторную экспертизу в независимом государственном учреждении, судья просто проигнорировала мои ходатайства. Прокурор и судья действовали в очевидном сговоре. А через месяц на меня самого завели дисциплинарное производство в палате адвокатов. Меня обвинили в «нарушении этических норм» и «давлении на эксперта» за то, что я

посмел проверить его квалификацию. Статус у меня отобрали за три дня. Без права восстановления.

Широков замолчал, глядя в свою кружку.

— Они разрушают не только организации, Виктор. Они разрушают жизни тех, кто пытается эти организации защищать. Это технология юридического террора. Судебная система используется как оружие для уничтожения любого, кто не вписывается в их картину мира. Они забирают имущество, активы, лишают людей профессии. И все это — на основании фальшивых бумажек, написанных непрофессионалами.

Пока Виктор беседовал с Широковым, Елена в офисе Резника проводила детальный лингвистический анализ экспертных заключений, подготовленных соратниками Дворкина для различных судебных процессов. Перед ней лежали тексты экспертиз по делам в Томске, Самаре, Ярославле и Ростове-на-Дону.

Она использовала стандартные методики судебной лингвистики: лексико-семантический, контекстуальный и прагматический анализ. И чем глубже она погружалась в тексты, тем отчетливее видела систему манипуляции фактами.

— Это поразительно, — произнесла Елена, когда Виктор вернулся в офис. — Они используют одни и те же речевые шаблоны и термины, которые вообще не имеют научного статуса.

Она вывела на экран монитора сравнительную таблицу.

— Посмотри на ключевые понятия, на которых строятся все эти заключения. «Тоталитарная секта», «деструктивный культ», «психологическое насилие», «зомбирование». Кандидат социологических наук В. Филька в своей работе прямо указывает на то, что:

«...основные концептуальные понятия Дворкина “тоталитарность” и “деструктивность” не используются в научном мире, поскольку являются скорее ярлыками, несущими негативную коннотативную нагрузку, своеобразным “социальным оружием”... Несмотря на то, что книги и статьи Дворкина основаны по большей части на “ненадёжных источниках информации”, например, на “газетных историях, интернет-сообщениях, частных мнениях”, терминологию его книг часто применяют органы государственной власти».

— То есть они ввели в юридический оборот термины, которые позволяют подвести под определение экстремизма практически любую организацию? — спросил Виктор, снимая пальто.

— Именно, — кивнула Елена. — В законодательстве нет четкого определения, что такое «тоталитарная секта». И в этом вся опасность. Сам Дворкин и близкая к нему антикультовая среда годами пользовались тем, что слово «секта» в российской судебной практике часто воспринималось не как строго юридический термин, а как допустимая оценочная характеристика. Получалось, что организацию можно публично назвать «сектой», а затем уже вокруг этого ярлыка выстраивать образ угрозы.

— Это же чистый произвол, — Виктор нахмурился. — Если нет юридического термина, то нет и критериев доказывания. Можно обвинить кого угодно в чем угодно, не утруждая себя поиском фактов.

— И они этим пользуются, — Елена открыла файл с анализом книги Дворкина «Сектоведение». — Эта книга стала фундаментальным источником для всей антисектантской кампании. Но если применить к ней те же критерии, которые его эксперты применяют к литературе религиозных меньшинств, то «Сектоведение» само содержит все признаки экстремистского материала.

Она вывела на экран выдержки из своего лингвистического заключения.

— В книге последовательно проводится мысль о религиозной эксклюзивности и превосходстве одной конфессиональной рамки над другими. Многие новые и нетрадиционные религиозные движения изображаются как ложные, опасные и требующие ограничения, контроля или «защиты» общества от их влияния. Используется метод «обвинения по ассоциации», который подробно описал социолог религии и исследователь новых религиозных движений Марат Штерин. Смысл его критики сводился к следующему:

«Основное допущение в статье Дворкина — что разные новые религиозные движения (НРД) обладают общими опасными характеристиками и могут подводиться под ярлыки “тоталитарных сект” и “деструктивных культов”. Этого якобы достаточно — привести несколько примеров отдельных групп, чтобы обосновать общий вывод об угрозе, исходящей от НРД как класса. Более того, эти действия описываются как антисоциальные просто потому, что они связаны

с “сектами”. Метод “обвинения по ассоциации” широко используется в такой аргументации. Следуя этой логике, автор неизбежно попадает в замкнутый круг: секты опасны, потому что они совершают опасные действия; а их действия опасны, потому что они секты...»

Елена повернулась к Виктору.

— Понимаешь, как устроена эта ловушка? Это замкнутый круг. Эксперт пишет: «Данная группа является тоталитарной сектой, следовательно, ее литература опасна». А на вопрос, почему группа является сектой, отвечает: «Потому что она распространяет эту литературу». Никаких объективных исследований, никаких социологических опросов или психологических тестов. Только манипуляция терминами и навешивание ярлыков.

— И эта псевдонаучная методология была внедрена в государственные экспертные учреждения, — добавил Виктор. — Они подменили науку идеологией. Эксперты Минюста и подведомственных ему лабораторий сегодня используют труды Дворкина как учебные пособия. Это подрывает сами основы правосудия. Судья, получая такое заключение от государственного эксперта, уверен, что имеет дело с научным фактом. А на самом деле он имеет дело с нацистской по своей сути методологией дегуманизации, упакованной в академическую обертку.

Елена взяла со стола распечатку интервью Дворкина федеральным телеканалам, которую они нашли в архивах.

— Посмотри, как эта методология транслировалась на все общество через государственные СМИ, — сказала она. — Это ведь не просто сухие судебные процессы. Это системное формирование образа угрозы.

Она зачитала выдержку из отчета международной исследовательской группы:

«Осенью 2009 года, на фоне судебных решений против публикаций Свидетелей Иеговы, федеральные телеканалы выпускали резкие сюжеты о “сектах” и “экстремизме”. В подобных материалах Свидетели Иеговы подавались не как религиозное меньшинство, а как опасная закрытая структура, лишающая людей свободы воли и представляющая общественную угрозу. Впоследствии

правозащитники связывали такую медийную риторику с ростом враждебности, оскорблений и нападений на Свидетелей Иеговы в конце 2009 года и позже».

— Он использовал те же методы, что и пропагандисты в Руанде, — тихо произнес Виктор. — Сравнение людей с наркоторговцами или паразитами — это классический прием дегуманизации. Обществу внушают, что объект преследования не является человеком в полном смысле этого слова. Что это угроза, которую нужно устранить из общественного пространства ради собственной безопасности.

— И это сработало, — Елена перелистнула страницу. — В телепередачах и публичных выступлениях того периода Дворкин и близкие к нему эксперты последовательно продвигали мысль, что с «сектами» нужно бороться не только церковными или общественными методами, но и через государственные механизмы — экспертизы, запреты, признание литературы экстремистской, давление на общины. В этой логике мормоны, кришнаиты, неопятидесятники и Свидетели Иеговы подавались не как разные религиозные группы, а как вариации одной скрытой угрозы, тем более опасной, что она действует под видом добра. Известный исследователь Сергей Иваненко в своей книге «О людях, стойких в гонении» резко критиковал эту манеру публичной полемики:

«В его оценке Дворкин стал одним из символов российского антикультизма: резкая риторика, уверенная манера, обвинительные обобщения и слабое различение между разными религиозными группами создавали образ эксперта, которому верили не потому, что он доказывал, а потому, что говорил напористо и без сомнений».

— Человек с такой репутацией критика, возглавляющий Экспертный совет при Министерстве юстиции, — Виктор покачал головой. — Это было бы смешно, если бы не привело к трагедии для многих законопослушных граждан. Адвокат Владимир Ряховский, сопредседатель Славянского правового центра, прямо заявлял, что руководимый Дворкиным Центр святого Иринея Лионского по существу сам является крайне деструктивной сектой, которая, основываясь на лжи, пропагандирует вражду к целому ряду официально действующих в нашей стране религиозных объединений. Но государство предпочло не замечать этого. Вместо тщательной правовой проверки реальных нарушений ресурсы все чаще уходили на кампании против тех, кого заранее объявляли «опасными».

Виктор подошел к столу и взял в руки одну из папок, которую они привезли от Левченко.

— Мы должны понять, почему государство пошло на это, — сказал он. — Почему власть добровольно отдала сферу религиозных отношений под контроль этой узкой экспертной среды? Ответ кроется в том, о чем говорил Левченко. Подготовка к масштабным геополитическим конфликтам всегда требует зачистки внутреннего информационного и духовного пространства. Религиозный плюрализм, свобода совести, независимые общественные объединения — все это рассматривается тоталитарной системой как угроза единству контроля. Им нужно было монолитное, послушное общество, готовое бездумно выполнять любые директивы. И антикультовая кампания Дворкина стала удобным инструментом для этой зачистки. Под предлогом борьбы с «опасными сектами» они сужали пространство гражданской самостоятельности, приучили суды и правоохранительные органы к мысли, что закон можно растягивать ради «высших интересов государственной безопасности».

Елена посмотрела на экран своего ноутбука, где мерцали строчки сравнительного анализа.

— И теперь этот опыт масштабирован, — тихо произнесла она. — Те же самые методы — стигматизация, использование сомнительных экспертиз, создание карманных экспертных центров, давление на следствие и суд через заранее заданную экспертную рамку — сегодня используются для контроля над поведением подростков в сети. Алгоритмы социальных сетей просто автоматизировали этот процесс. Они находят уязвимых, изолируют их с помощью цифровой травли, а затем подталкивают их к деструктивному контенту, усиливая тревогу, одиночество и зависимость от закрытой информационной среды. И если кто-то пытается сопротивляться, система мгновенно включает механизм юридического и профессионального давления, как это произошло со мной в клинике.

Она поднялась из-за стола и подошла к окну. На улице окончательно стемнело. В свете редких фонарей было видно, как мокрый снег покрывает серым саваном гранитные берега Фонтанки.

— Мы собрали достаточно материалов, Виктор, — сказала она, не оборачиваясь. — У нас есть анализ их методологии, есть показания Широкова, есть документы о связях РАЦИРС с международными структурами FECRIS. Мы можем показать, что имеем дело не с отдельными ошибками экспертов, а с устойчивой системой давления на правосудие и общественное мнение. Это технология юридического устрашения.

— Да, — Виктор подошел к ней и положил руку на ее плечо. — Но чтобы разрушить эту систему, нам нужно сделать ее видимой для всего общества. Мы должны показать людям, как именно их страхи и предрассудки используются для создания этого цифрового концлагеря. И мы сделаем это. Чего бы нам это ни стоило.

Они стояли у окна, глядя на темную воду реки. В тишине кабинета было слышно, как на столе беззвучно завибрировал телефон Елены. На экране высветилось новое уведомление, но она даже не потянулась к нему. Она знала, что там не будет ничего нового — лишь очередное подтверждение того, что невидимая сеть продолжает свою работу, фиксируя каждый их шаг и готовясь к ответному удару. Но страха больше не было. Была только холодная, звенящая решимость дойти до конца.

Глава 8. Информационный террор

Письмо лежало на краю кухонного стола, тускло белея в полумраке раннего утра. Елена не зажигала верхний свет, довольствуясь слабым сиянием уличного фонаря, пробивавшимся сквозь мокрое от дождя стекло. На плотном бланке с водяными знаками Ассоциации клинических психологов и психотерапевтов значилось: «Уведомление о начале процедуры приостановки действия профессионального сертификата и лицензии на ведение клинической практики».

Елена сделала глоток остывшего чая, чувствуя, как внутри разливается привычная холодная тяжесть. Текст письма был составлен безупречным канцелярским языком. Ее обвиняли в «систематическом нарушении профессиональной этики», «использовании ненаучных методов в диагностике» и «публичной дискредитации медицинского сообщества». К письму прилагались копии трех жалоб, поданных якобы от имени родителей ее бывших пациентов. В них утверждалось, что доктор Зорина внушала детям ложные воспоминания и навязывала им теории заговора о цифровом воздействии, вместо того чтобы лечить обычные подростковые расстройства.

Она знала эти имена. Это были вымышленные или искаженные истории. Родители Софьи Вороновой и Юлии Смирновой никогда бы не написали ничего подобного. Жалобы были состряпаны по одному шаблону, изобиловали специфическими терминами и явно координировались из одного центра.

Профессиональное давление и дискредитация независимых экспертов — ключевой метод защиты манипуляторов от разоблачения. Елена прекрасно понимала эту стратегию. Если лишить ее лицензии, все ее клинические заключения, представленные в суде, превратятся в юридический мусор. Ее авторитет как специалиста будет уничтожен, а значит, любые заявления о существовании деструктивной алгоритмической сети можно будет списать на личную некомпетентность и профессиональную несостоятельность.

В дверь негромко, но настойчиво постучали. Елена вздрогнула, посмотрела на часы — начало седьмого утра. Она подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной площадке стоял Виктор. Его серый пиджак был темным от влаги, воротник поднят, а в руках он держал плотный кожаный портфель.

Елена повернула замок и впустила его. Виктор быстро вошел, запер за собой дверь и сразу прошел к окну, аккуратно отодвинув занавеску.

— За мной шли от самого дома, — тихо произнес он, не оборачиваясь. — Темно-серая «Октавия» с грязными номерами. Стояла во дворе всю ночь. Когда я поехал к тебе, они двинулись следом. Я сделал три круга по переулкам у Обводного, прежде чем оторваться, но они знают, где ты живешь. Нам нельзя здесь долго оставаться.

— Мне прислали уведомление из Ассоциации, — Елена указала на стол. — Начинают процедуру отзыва лицензии. Шестаков времени зря не терял.

Виктор подошел к столу, взял лист бумаги, быстро пробежал его глазами и бросил обратно. На его лице не отразилось удивления.

— Классический бесконтактный прессинг, — констатировал он. — Они не будут бить стекла или угрожать физически. Зачем им уголовщина? Они просто перекроют нам кислород. Тебя лишат права практиковать, меня затаскают по допросам в рамках какого-нибудь надуманного дела о разглашении личных данных. Они хотят, чтобы мы замолчали сами, испугавшись за свое будущее.

— И что мы будем делать? — Елена посмотрела на него. — Если мы продолжим просто собирать документы, они уничтожат нас поодиночке. У нас нет административного ресурса, чтобы противостоять их юристам и связям в Минюсте.

Виктор сел на стул напротив нее и открыл портфель.

— Мы не будем защищаться, Елена. Мы перейдем в наступление. Единственное, чего они по-настоящему боятся — это публичность. Пока наше расследование остается частным делом бывшего следователя и отстраненного психолога, они могут давить на нас сколько угодно. Но если мы вынесем все собранные доказательства в публичное поле, им придется оправдываться.

Он достал из портфеля карту города и несколько распечатанных листов.

— Я созвонился с Дмитрием Резником. Он помог нам арендовать зал в независимом пресс-клубе на Невском проспекте. Завтра в двенадцать дня мы проводим открытый брифинг для журналистов. Мы пригласили представителей федеральных и зарубежных СМИ, правозащитников и независимых экспертов. Мы покажем им все: структуру сети Дворкина, коды рекомендательных алгоритмов, которые нам передал Денис, и результаты твоего клинического анализа.

Елена почувствовала, как страх внутри нее уступает место холодному возбуждению.

— Брифинг? Но они же попытаются его сорвать.

— Наверняка, — согласился Виктор. — Но сорвать публичное мероприятие, на котором присутствуют десятки журналистов, гораздо сложнее, чем тихо аннулировать твою лицензию в закрытом кабинете. Нам нужно детально подготовить выступление. Мы должны дать четкое, юридически и научно обоснованное определение тому, с чем мы столкнулись. Мы назовем вещи своими именами.

Следующие тридцать часов превратились в непрерывный марафон. Они перебрались в офис Дмитрия Резника на Фонтанке, посчитав его более безопасным местом, чем квартиры Елены или Виктора. Окна полуподвала были зашторены, на столах горели лампы, а воздух был пропитан запахом крепкого кофе и сигаретного дыма.

Виктор раскладывал на столе архивные материалы, которые они получили от Кирилла Савельевича Левченко и Франческо Каронны.

— Нам нужно ввести в оборот термин, который заставит общество содрогнуться, — говорил Виктор, делая пометки на полях презентации. — Понятие «информационный терроризм» описывает целенаправленное разрушение доверия граждан к государственным институтам и подрыв общественной безопасности через цифровые манипуляции. Это не просто распространение фейков. Это системная деятельность, направленная на дестабилизацию психики миллионов людей с целью захвата контроля над их поведением.

— И у этой деятельности есть конкретные исторические прецеденты, — добавила Елена, листая папку с материалами по американским антикультовым движениям. — Посмотри на трагедию в Уэйко в 1993 году. Это ведь был первый масштабный акт информационного террора, осуществленный антикультистами.

Она вытащила из папки отчеты о расследовании событий в Маунт-Кармел.

— Трагедия в Уэйко в 1993 году была спровоцирована в том числе действиями антикультовых активистов, которые манипулировали информацией и нагнетали панику в СМИ, что привело к штурму и гибели десятков людей. Главную роль в демонизации общины «Ветвь Давидова» сыграл Рик Алан Росс и организация «Сеть осведомленности о культах» (CAN). Они целенаправленно распространяли через подконтрольные СМИ

сфабрикованные истории о том, что внутри общины систематически издеваются над детьми, насилуют женщин и готовят вооруженное восстание против правительства.

Виктор внимательно слушал, сопоставляя факты.

— Да, — подтвердил он. — Росс имел прямой доступ к руководству ФБР и ATF. Он выступал в качестве главного консультанта силовых ведомств, фактически управляя их действиями через дезинформацию. Он внушил агентам, что они имеют дело не с обычными гражданами, а с фанатиками, неспособными к рациональному мышлению. В результате правоохранительные органы, находившиеся под мощным психологическим давлением и медийным прессингом, пошли на штурм. Они применили боевой газ CS, запрещенный международными конвенциями, что привело к пожару. 76 человек, включая 25 детей, сгорели заживо. И все это было сделано под предлогом «защиты детей».

— И самое страшное, — Елена указала на вырезки из американских газет того периода, — что общественное мнение было настолько обработано этой пропагандой, что гибель детей не вызвала массовых протестов. Погибших заранее дегуманизировали, назвав «сектантами». Их лишили права на сочувствие. Это и есть информационный террор в действии: вы создаете ложную реальность, в которой насилие со стороны государства или манипуляторов воспринимается обществом как благо и необходимость.

Она перевела взгляд на документы, касающиеся современных российских реалий.

— И посмотри, как эта методология была перенесена на нашу почву. Использование сфабрикованных историй «жертв» (апостатов) является стандартной тактикой антикультовых групп для создания ложного общественного консенсуса о необходимости репрессий. Дворкин и его сеть РАЦИРС используют этот метод десятилетиями. Они находят психически неустойчивых людей, бывших членов различных религиозных или общественных организаций, и с помощью подконтрольных психиатров и журналистов фабрикуют из них «жертв».

Елена открыла распечатку статьи итальянского социолога Массимо Интровинье о событиях во Франции.

— Вот детальный анализ того, как это делается. Во Франции в 2007 году во время облавы на движение Lisieux полиция задержала всех последователей исключительно по рекомендации антикультовых психиатров. Их изолировали друг от друга, подвергали многочасовым допросам. Одну из женщин, «Корали», держали под стражей и угрожали ей огромным тюремным сроком, пока она под давлением антикультистов не согласилась признать себя «жертвой» и дать нужные показания для прессы. Этот шаблон повторяется повсеместно. Создается фейковая жертва, ее история тиражируется в СМИ, нагнетается паника, и под этим предлогом государство уничтожает очередную независимую организацию.

— Мы покажем эту преемственность на брифинге, — Виктор решительно закрыл папку. — Мы свяжем трагедию в Уэйко, европейские методы FECRIS и то, что происходит сейчас в наших школах и социальных сетях. Это одна и та же технология. Они используют страх и ложь, чтобы лишить людей способности мыслить самостоятельно. И мы сорвем с них эту маску.

День брифинга встретил их пронизывающим холодом. Невский проспект был затянут серой дымкой, редкие прохожие спешили мимо витрин магазинов, пряча лица в воротники пальто.

Зал независимого пресс-клуба располагался на втором этаже старого здания. Это было небольшое помещение с кирпичными стенами, рядами складных стульев и небольшим подиумом для спикеров. К одиннадцати часам утра зал начал стремительно заполняться.

Елена стояла у окна в подсобном помещении, наблюдая за прибывающими. Среди журналистов она заметила несколько знакомых лиц — репортеров крупных городских изданий, но были и те, чей вид вызывал у нее тревогу. Мужчины с тяжелыми, невыразительными лицами, которые не общались с коллегами, а тихо стояли у стен, внимательно осматривая присутствующих.

— Это люди из окружения Дворкина, — тихо произнес подошедший сзади Виктор. — Я узнал двоих. Это активисты из так называемого «правозащитного» крыла РАЦИРС. Они пришли не для того, чтобы писать статьи. Они будут пытаться сорвать выступление. Будь готова к провокациям.

— Я готова, — Елена глубоко вздохнула, поправляя строгий черный жакет. — Нам больше нельзя отступать.

Дмитрий Резник заглянул в комнату и кивнул:

— Время, друзья. Зал полон. Камеры работают. Мы ведем прямую трансляцию через зеркала в нескольких независимых сетях, так что заглушить сигнал быстро у них не получится. Удачи.

Когда Елена и Виктор вышли к трибуне, в зале мгновенно установилась тишина, нарушаемая лишь щелканьем затворов фотоаппаратов и тихим гудением телекамер.

Виктор подошел к микрофону первым. Его голос, спокойный и глубокий, сразу задал тон всему мероприятию.

— Добрый день, уважаемые коллеги, — произнес он. — Мы собрались здесь сегодня, чтобы представить вам результаты независимого расследования деятельности международной сети, которая на протяжении десятилетий осуществляет то, что мы квалифицируем как информационный терроризм.

На большом экране за его спиной появилась первая схема — структура взаимодействия РАЦИРС, европейской сети FECRIS и подконтрольных им медиаресурсов.

— Информационный терроризм — это не просто новое словосочетание, — продолжил Виктор. — Это конкретная, научно обоснованная технология разрушения общественной безопасности. Ее цель — подрыв доверия граждан к государственным институтам, судам и закону через создание искусственной паники и управляемого хаоса. Манипулируя страхами людей, используя сфабрикованные истории и ангажированные экспертизы, эти группы заставляют общество одобрять репрессии и отказываться от своих фундаментальных прав.

Он переключил слайд, на котором появились фотографии трагедии в Уэйко 1993 года.

— Истоки этой методологии лежат в событиях тридцатилетней давности. Трагедия в Уэйко была спровоцирована антикультовыми активистами, которые использовали ложь и манипуляции в СМИ для дегуманизации мирных граждан.

Они создали образ врага, заставив правоохранительные органы применить силу против тех, кого они должны были защищать. И сегодня те же самые методы используются в цифровом пространстве против наших детей.

Виктор уступил место Елене. Она подошла к трибуне, чувствуя, как уходит внутреннее напряжение, уступая место профессиональной концентрации.

— Как клинический психолог, я ежедневно сталкиваюсь с последствиями этого воздействия, — начала Елена. — Мы провели детальный анализ алгоритмов рекомендаций социальной сети «PulseNet» и выявили систему направленного изменения поведения подростков. Это не случайные сбои в работе программ. Это целенаправленное использование уязвимости незрелой префронтальной коры головного мозга для введения детей в состояние хронической тревоги и депрессии.

Она вывела на экран результаты лингвистического и психологического анализа деструктивного контента.

— Чтобы легализовать свои действия и защитить себя от разоблачения, организаторы этой сети используют метод профессионального давления и дискредитации независимых экспертов. Как только специалист начинает открыто говорить о существовании этой системы, против него запускается кампания клеветы. Используются сфабрикованные жалобы от имени несуществующих «жертв» и «апостатов» — это стандартная тактика антикультовых групп, призванная создать ложный общественный консенсус о необходимости изоляции эксперта.

В этот момент в среднем ряду поднялся плотный мужчина в темном костюме. Это был Илья Гусев, журналист одного из скандально известных интернет-порталов, тесно сотрудничавших с РАЦИРС.

— Доктор Зорина! — громко перебил он ее, не дожидаясь своей очереди для вопросов. — Позвольте задать вам вопрос по поводу вашей «независимости» и «научности»!

В зале послышался недовольный ропот, но Гусев продолжал говорить, повышая голос и перекрикивая коллег:

— Нам стало известно, что Ассоциация клинических психологов прямо сейчас проводит расследование в отношении вашей деятельности. Вас обвиняют

в грубейших нарушениях медицинской этики, навязывании пациентам псевдонаучных теорий и использовании сомнительных методик. Ваша лицензия находится в процессе аннулирования! Как вы можете выступать здесь в качестве эксперта и обвинять авторитетные общественные организации, когда ваше собственное профессиональное сообщество фактически изгоняет вас из своих рядов? Не является ли вся эта ваша презентация просто попыткой защититься от справедливого расследования вашей собственной некомпетентности?

Журналисты в зале зашептались, камеры перенаправили объективы на Елену. Это был критический момент брифинга — классическая попытка дискредитации, призванная перевести дискуссию из плоскости фактов в плоскость обсуждения личности докладчика.

Елена посмотрела прямо в глаза Гусеву. На ее лице не отразилось ни тени смущения или страха. Она слегка улыбнулась, и эта спокойная реакция мгновенно сбила наступательный пафос оппонента.

— Спасибо за ваш вопрос, — ровно произнесла она в микрофон. — Я очень рада, что вы подняли эту тему. Потому что ситуация с моей лицензией — это лучшее, максимально наглядное подтверждение всего того, о чем мы только что говорили.

Она переключила слайд на экране. Вместо графиков алгоритмов там появились сканы тех самых жалоб, поданных на нее в Ассоциацию, и копия уведомления, которое она получила вчера утром.

— Обратите внимание на эти документы, — Елена указала на экран. — Жалобы на меня были поданы три дня назад. В них утверждается, что я наносила вред пациентам, внушая им ложные идеи. Но если мы посмотрим на даты, то увидим, что эти жалобы появились ровно через два дня после того, как я выступила в качестве независимого эксперта на судебном процессе по делу Юлии Смирновой, где открыто заявила о деструктивной роли алгоритмов «PulseNet».

Она сделала паузу, давая журналистам возможность вчитаться в текст на экране.

— Более того, лингвистический анализ этих жалоб показывает, что они написаны одним человеком и содержат те же речевые обороты и термины,

которые используются на официальном сайте Центра религиоведческих исследований имени Иринея Лионского, возглавляемого Александром Дворкиным. Это классический пример использования сфабрикованных историй для дискредитации эксперта. Те, кто управляет этой сетью, не могут опровергнуть наши научные данные. У них нет аргументов против кодов алгоритмов и медицинских карт пострадавших детей. Поэтому их единственный способ защитить себя — это попытаться уничтожить мою профессиональную репутацию. И то, что вы сейчас озвучили этот вопрос, господин Гусев, лишь доказывает, насколько синхронно и скоординированно действует ваша сеть.

В зале раздались одиночные аплодисменты, которые быстро переросли в одобрительный гул. Гусев, покраснев, шумно опустился на свое место, продолжая что-то сердито бормотать.

Виктор снова подошел к микрофону.

— Мы предоставим всем присутствующим журналистам полный пакет документов, — заявил он. — Включая исходные коды алгоритмов, результаты независимых экспертиз и доказательства давления на доктора Зорину. Мы требуем от правоохранительных органов начать официальное расследование деятельности РАЦИРС и связанных с ними структур по статье «информационный терроризм». Это угроза национальной безопасности. И если мы не остановим это сейчас, завтра жертвой этой системы может стать ребенок любого из вас.

Брифинг продолжался еще около часа. Журналисты задавали вопросы, фиксировали данные, копировали материалы с предоставленных флеш-накопителей. Даже те репортеры, которые изначально были настроены скептически, под влиянием неопровержимых технических и медицинских фактов меняли свое отношение к происходящему.

Когда зал наконец опустел, Елена без сил опустилась на складной стул у трибуны. Внутри нее была абсолютная пустота, но это была чистая, освобождающая пустота человека, который сделал свой главный шаг.

Виктор подошел к ней, держа в руках портфель. Его лицо было серьезным, но в глазах светилось тихое торжество.

— Мы сделали это, Елена, — тихо сказал он. — Информация ушла. Прямую трансляцию посмотрели большое количество человек только за первый час. Ссылки на материалы уже расходятся по независимым каналам. Теперь они не смогут замять это дело в тишине кабинетов.

— Но они не оставят нас в покое, Виктор, — Елена подняла на него глаза. — Ты же видел их людей в зале. Давление теперь станет еще сильнее.

— Пусть пытаются, — Виктор помог ей подняться и набросил на ее плечи пальто. — Теперь мы играем на открытом поле. И правила этой игры пишем мы сами.

Они вышли из здания пресс-клуба на Невский проспект. Дождь со снегом прекратился, и сквозь разорванные тучи на мокрый асфальт упали первые лучи холодного ноябрьского солнца. Город шумел вокруг них своим привычным, суетливым шумом, но теперь этот шум казался Елене другим. В нем больше не было той пугающей, безысходной монотонности. Невидимая сеть, опутывавшая сознание миллионов людей, дала первую глубокую трещину, и этот процесс уже невозможно было остановить.

Глава 9. Прецедент

Зал судебных заседаний Санкт-Петербургского городского суда тонул в серой, унылой полутени ноябрьского полдня. Высокие, узкие окна выходили на набережную, за которой в тумане угадывались очертания промышленных построек. На трибуне для выступлений лежала пухлая папка с материалами дела, углы которой были стерты до серого картона.

Елена сидела на скамье для истцов, чувствуя, как холодный воздух из приоткрытой форточки касается ее шеи. Рядом с ней Виктор Орлов методично раскладывал на столе документы, его движения были спокойными и выверенными. Напротив них, за широким столом из темного дерева, расположилась команда защиты технологической корпорации «PulseNet» — трое мужчин в безупречно подогнанных темно-синих костюмах и женщина с

гладко зачесанными волосами, которая непрерывно делала пометки в планшете.

Это было не просто очередное слушание. Это была апелляция по делу Юлии Смирновой, но теперь, после публикации материалов расследования и скандального брифинга, процесс привлек внимание журналистов, которые теснились в задних рядах, тихо перешептываясь и настраивая диктофоны.

— Уважаемый суд, — начал ведущий адвокат корпорации, поднимаясь со своего места. Его голос звучал мягко, с легкой доверительной хрипотцой. — Мы глубоко сочувствуем трагедии семьи Смирновых. Потеря ребенка — это невосполнимое горе. Однако мы обязаны оставаться в рамках правового поля. Истцы пытаются возложить ответственность за трагическое решение подростка на программное обеспечение. Но закон предельно ясен: информационная система является лишь нейтральным каналом передачи данных. Платформа не создает контент, она лишь упорядочивает его на основе предпочтений самого пользователя. Обвинять алгоритм рекомендаций в гибели человека — это все равно что обвинять публичную библиотеку в том, что читатель выбрал книгу с грустным финалом.

Адвокат сделал паузу, обведя взглядом зал, и перевел взгляд на Елену.

— Более того, ключевой свидетель истцов, доктор Зорина, в данный момент сама является объектом профессионального расследования. Ее квалификация поставлена под сомнение профильной Ассоциацией, а ее лицензия временно приостановлена. Мы полагаем, что ее выводы об «алгоритмическом воздействии» продиктованы не научным анализом, а попыткой защитить собственную пошатнувшуюся репутацию за счет громкого процесса.

По залу пробежал шепоток. Журналисты зашевелились, фиксируя выпад защиты. Елена осталась неподвижной, лишь крепче сжала пальцы под столом. Она знала, что этот удар будет нанесен.

Виктор Орлов медленно поднялся. Он не стал смотреть на адвокатов корпорации, его взгляд был направлен прямо на судью — строгую женщину средних лет с усталыми, но внимательными глазами.

— Уважаемый суд, — произнес Виктор, и его глубокий, спокойный голос мгновенно заглушил шум в зале. — Защита пытается представить платформу

«PulseNet» как пассивного посредника. Они говорят о нейтральности технологий. Но мы утверждаем, что имеем дело со скоординированной системой манипуляции, которая использует судебные институты и псевдонаучные экспертизы для сокрытия своей деструктивной деятельности. И это не новая практика. Это отлаженный механизм, который бьет по самым уязвимым членам нашего общества.

Виктор открыл синюю папку и достал из нее несколько листов.

— Чтобы суд понял, как именно действует эта сеть, когда сталкивается с сопротивлением или когда ей нужно легализовать свои решения через правовое поле, я прошу приобщить к материалам дела задокументированный случай, который произошел в Перми. Это история Елены Брессем, которая стала жертвой таких же манипуляций с участием ключевых фигур сети РАЦИРС, включая Александра Дворкина и его адвоката Александра Корелова.

Адвокат «PulseNet» недовольно поморщился и поднялся: — Возражаю, уважаемый суд. Какое отношение семейный конфликт в Перми имеет к иску против технологической платформы? Истцы пытаются затянуть процесс посторонними материалами.

— Это имеет прямое отношение к методологии, — отрезал Виктор, глядя на судью. — Мы доказываем существование единой сети влияния, которая использует суды для уничтожения критиков и легализации своих деструктивных программ. Позвольте мне зачитать показания самой Елены Брессем, которые были опубликованы и подтверждены материалами судебного дела.

Судья кивнула: — Продолжайте, представитель истца. Возражения защиты отклонены.

Виктор поднял лист бумаги и начал читать:

«... Мой бывший муж украл у меня сына и нанял себе адвоката по фамилии Корелов — это, насколько я знаю, адвокат Александра Дворкина. В итоге, к процессу, на котором суд должен был определить место проживания наших детей, они состряпали целый “научный” труд с синими печатями какого-то Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета о том, что было проведено исследование, подтверждающее, что Гербалайф — это

тоталитарная коммерческая секта, а я — её адепт! В качестве доказательства было приведено большое количество различной литературы, автором которой являлся исключительно Дворкин. Кроме этого, они представили такие “доказательства”, как материалы неких конференций, также подтверждающих, что Гербалайф — секта. В итоге получилось два тома дела о том, что я — сектант. Кроме этого, Дворкин выступил в суде лично, в качестве свидетеля, и рассказал о том, что я состою в секте. Я видела его впервые в жизни, откуда этот незнакомый человек может вообще что-то обо мне знать? Но он выступал как свидетель. Также был ещё один свидетель, Ошмарин — я тоже никогда его до процесса не видела, но он также утверждал, что я в секте».

Виктор опустил лист и посмотрел на представителей «PulseNet».

— Этот случай показывает анатомию их работы. Муж похищает ребенка, после чего нанимает адвоката РАЦИРС Корелова. Они фабрикуют «научное» исследование на бланках подконтрольного вуза, используя в качестве единственного источника книги самого Дворкина. Сам Дворкин и его пермский представитель Евгений Ошмарин приходят в суд в качестве свидетелей и под присягой дают показания против женщины, которую видят впервые в жизни. Это хорошо спланированная коммерческая акция. Когда Елена Брессем позвонила в РАЦИРС под видом обычного клиента и спросила, что делать, если ее муж якобы увлекся йогой и сетевым маркетингом, ей открыто описали сценарий: их можно нанять, они приедут, состряпают документы и выступят в суде за определенную плату.

В зале суда повисла тяжелая, звенящая тишина. Журналисты быстро записывали показания.

— Уважаемый суд, — продолжил Виктор, его голос стал тише, но весомее. — Мы видим один и тот же паттерн. Когда независимый психолог Елена Зорина начинает расследовать влияние алгоритмов на подростков, против нее мгновенно запускается та же машина. Фабрикуются жалобы от несуществующих лиц, привлекаются ангажированные эксперты, запускается процедура лишения лицензии. Цель одна — заткнуть рот любому, кто пытается показать, что за фасадом «нейтральных технологий» скрывается коммерческий расчет и холодное манипулирование человеческими жизнями. Они используют суды как инструмент террора против несогласных.

Адвокаты корпорации переглянулись. Женщина с планшетом быстро зашептала что-то на ухо ведущему юристу. Тот поднялся, пытаясь вернуть инициативу:

— Все это — эмоциональные заявления, не имеющие технического подтверждения. Мы до сих пор не услышали, в чем именно заключается вина программного кода «PulseNet». Алгоритм — это математика. Он не имеет воли, не имеет умысла. Он не может совершить правонарушение.

— Алгоритм действительно не имеет воли, — раздался голос Елены. Она поднялась со своего места, и все взгляды в зале сфокусировались на ней. — Но волю имеют те, кто его спроектировал. И эта воля направлена на обход критических фильтров человеческой психики.

Елена подошла к экрану, установленному в зале для демонстрации доказательств, и включила презентацию. На экране появились графики нейробиологических реакций подростков, полученные в ходе ее клинических исследований.

— Защита утверждает, что пользователь сам выбирает контент. Но это ложь. В современной цифровой среде выбора не существует. Алгоритм рекомендаций «PulseNet» — это активная, самообучающаяся система, которая непрерывно анализирует психофизиологическое состояние пользователя. Она фиксирует микрозадержки взгляда, скорость прокрутки, реакцию на определенные цветовые гаммы и звуковые частоты. На основе этих данных система выстраивает индивидуальную траекторию вовлечения.

Елена переключила слайд, демонстрируя схему удержания внимания.

— Когда система фиксирует у подростка признаки депрессивного состояния или одиночества, она не просто предлагает ему похожие ролики. Она начинает сужать его информационное поле, создавая изолированный пузырь. Алгоритм целенаправленно дозирует подачу негативной информации, искусственно вызывая состояние выученной беспомощности. Это не пассивное предоставление информации. Это активное, направленное изменение эмоционального состояния человека с целью максимизации времени, проведенного в приложении. И это воздействие приводит к реальным, физическим повреждениям.

Она посмотрела на судью.

— Мы требуем признать алгоритмическую систему рекомендаций «PulseNet» источником повышенной опасности. В гражданском праве под этим понимается деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда окружающим и не поддается полному контролю со стороны человека. Алгоритм, работающий на основе нейросетей, выходит за рамки контроля даже его создателей. Он обучается самостоятельно, находя наиболее эффективные — и часто самые деструктивные — способы удержания внимания. И если этот инструмент приводит к гибели детей, создатели и владельцы платформы должны нести за это полную ответственность.

Судья внимательно всматривалась в графики на экране. Она делала пометки в своем блокноте, изредка переводя взгляд с Елены на представителей корпорации.

Судебные прения продолжались еще несколько часов. Защита «PulseNet» отчаянно цеплялась за формальные формулировки законов, утверждая, что в законодательстве нет понятия «алгоритмического вреда», а значит, нет и состава правонарушения. Но стена их юридической безупречности, возводимая годами, начала давать трещины под давлением неопровержимых технических данных и задокументированных фактов манипуляций.

Суд удалился для вынесения решения.

Эти два часа ожидания в коридоре суда показались Елене вечностью. Журналисты окружили их с Виктором, засыпая вопросами, но они вежливо отказывались от комментариев до оглашения вердикта. Денис Волков, сидевший на дальней скамье у окна, лишь молча кивнул им, его пальцы продолжали нервно вертеть металлическую головоломку.

Когда прозвенел звонок, приглашающий всех обратно в зал, воздух в помещении казался наэлектризованным.

Судья зачитывала решение ровным, лишенным эмоций голосом.

— ...Рассмотрев материалы дела, заслушав мнения сторон и экспертов, суд приходит к выводу, что исковые требования подлежат частичному удовлетворению. Суд признает, что рекомендательная алгоритмическая система платформы «PulseNet» в ее текущем техническом исполнении является

активным фактором формирования информационного пространства пользователя, способным оказывать направленное психологическое воздействие. Суд квалифицирует данное воздействие как источник повышенной опасности, поскольку принципы работы самообучающихся алгоритмов исключают возможность полного контроля над характером и направленностью выдаваемого контента со стороны как пользователя, так и самой платформы...

Елена почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Она посмотрела на Виктора — его лицо оставалось спокойным, но в глазах вспыхнул яркий, торжествующий огонь.

— ...Суд обязывает корпорацию «PulseNet» выплатить компенсацию семье Смирновых, а также предписывает контролирующим органам провести комплексный аудит рекомендательных систем платформы на предмет наличия скрытых механизмов манипуляции вниманием и субсенсорного воздействия.

Это был прецедент. Судебный вердикт, который официально признал алгоритмическое воздействие формой активного вреда и источником повышенной опасности. Этот шаг открывал путь к введению уголовной ответственности для разработчиков деструктивного софта по всему миру. Юридическая броня технологических гигантов была пробита.

— Мы запустили лавину, Елена, — произнес Виктор, садясь напротив нее и ставя на стол две чашки чая. — По миру начинаются процессы, правозащитники используют наш прецедент для подачи аналогичных исков.

— Это победа, Виктор, — тихо сказала Елена, закрывая ноутбук. — Но это лишь юридическая победа. Мы изменили законы, но мы не изменили реальность, в которой живут дети. Алгоритмы станут тоньше, они найдут новые лазейки. Технологии развиваются быстрее, чем суды успевают выносить решения.

— Я знаю, — Виктор серьезно посмотрел на нее. — Именно поэтому твоя работа сейчас важна как никогда. Законы защищают общество сверху. Но реальная защита строится снизу. В каждой конкретной семье.

Зал лектория в здании Новой сцены Александринского театра был заполнен. Здесь собрались в основном родители подростков, учителя, школьные психологи. В воздухе чувствовалось напряжение, смешанное с надеждой и

растерянностью. Все они пришли сюда, чтобы получить ответ на один-единственный вопрос: как защитить своих детей от невидимой угрозы, которая исходит от экранов их собственных телефонов?

Елена вышла на сцену без презентаций и сложных графиков. На ней был простой серый свитер, волосы собраны в аккуратный пучок. Она подошла к краю сцены, посмотрела в зал и начала говорить без микрофона — акустика зала позволяла слышать каждое ее слово.

— Здравствуйте, — произнесла она, и в зале мгновенно установилась тишина. — Большинство из вас пришли сюда в надежде услышать название нового, самого эффективного приложения для родительского контроля. Вы хотите знать, какую программу установить на телефон ребенка, чтобы спать спокойно. Вы хотите заблокировать опасные сайты, ограничить время экрана, отслеживать каждый шаг вашего сына или дочери в сети.

Елена сделала паузу, обведя взглядом лица родителей.

— Я должна вас разочаровать. Технические средства родительского контроля абсолютно неэффективны. Более того, в большинстве случаев они вредны.

По залу пробежал удивленный ропот. Некоторые родители переглянулись.

— Почему? — продолжила Елена. — Во-первых, современные подростки технически грамотнее большинства из нас. Любую блокировку, любой запрет они обходят за несколько минут, прокси-серверов или создания резервных аккаунтов, о которых вы никогда не узнаете. Но это лишь техническая сторона. Гораздо важнее психологический аспект. Когда вы устанавливаете тотальный контроль над телефоном ребенка, вы посылаете ему четкий сигнал: «Я тебе не доверяю. Я считаю тебя глупым и неспособным принимать решения. Я твой надзиратель, а не твой друг».

Елена сделала шаг вперед.

— Что делает подросток в такой ситуации? Он закрывается. Он уходит в глухую психологическую оборону. И когда он сталкивается в сети с реальной опасностью — с травлей, с манипуляциями, со скрытыми деструктивными программами — он никогда не придет к вам за помощью. Потому что он знает: вместо поддержки он получит наказание, чтение нотаций и очередное

ограничение свободы. Он останется один на один с алгоритмом, который спроектирован так, чтобы использовать его одиночество против него.

В первом ряду женщина тихо вытерла слезу платком.

— Технический контроль — это иллюзия безопасности, которой мы, взрослые, пытаемся успокоить собственную тревогу, — твердо произнесла Елена. — Мы откупаемся от детей дорогими гаджетами, а потом пытаемся контролировать их использование с помощью программ. Но реальная безопасность строится на совершенно других принципах. Она строится на формировании у ребенка критического мышления и эмоциональной устойчивости к цифровым атакам.

Елена подошла к доске и написала три слова: *«Критичность. Эмоции. Доверие»*.

— Первое — это критическое мышление. Мы должны научить детей понимать, как устроена цифровая среда. Ребенок должен знать, что контент в его ленте — это не случайный выбор мира, это продукт, созданный для удержания его внимания. Научите его задавать простые вопросы: «Почему мне показывают именно это видео? Кто за этим стоит? Какую эмоцию у меня пытаются вызвать и зачем?». Когда ребенок понимает механизм манипуляции, он перестает быть пассивной жертвой. Он становится исследователем, который видит скрытые пружины игры.

Она повернулась к залу.

— Второе — эмоциональная устойчивость. Алгоритмы бьют по болевым точкам: страху, одиночеству, неуверенности в себе. Если у ребенка нет других способов справиться с этими эмоциями, он потянется к телефону как к анестезии. Мы должны научить детей проживать свои чувства в реальном мире. Физическая активность, творчество, живое общение — все это создает естественный гормональный баланс, который делает мозг устойчивым к искусственным стимулам.

Елена сделала глубокий вдох и заговорила тише, но каждое ее слово проникало в самое сердце присутствующих:

— И третье, самое главное. Восстановление доверительных отношений в семье снижает уязвимость подростка перед алгоритмическими манипуляциями

до минимума. Ни один алгоритм в мире, даже самый совершенный, не способен конкурировать с теплом, принятием и безопасностью, которые ребенок получает дома. Если ваш сын или дочь знают, что дома их выслушают без осуждения, что их любят не за оценки или примерное поведение, а просто за то, что они есть, — они будут защищены. Доверие — это единственный непробиваемый щит против цифрового концлагеря.

Она посмотрела на мужчину в среднем ряду, который сидел, обняв за плечи своего сына-подростка. Мальчик внимательно слушал, прижавшись к отцу.

— Перестаньте быть надзирателями для своих детей, — закончила Елена. — Станьте их союзниками. Разговаривайте с ними. Интересуйтесь их миром, даже если он кажется вам странным или пугающим. Играйте с ними в их компьютерные игры, смотрите их любимые ролики, обсуждайте их вместе. Вернитесь в их жизнь. И тогда никакие алгоритмы, никакие скрытые триггеры не смогут причинить им вред. Потому что реальный мир, наполненный вашей любовью и поддержкой, всегда окажется сильнее любой цифровой иллюзии.

Зал молчал несколько секунд. Эта тишина была глубокой, осмысленной и очищающей. А затем раздались первые аплодисменты. Они нарастали, заполняя все пространство лектория, превращаясь в мощный, единый гул поддержки. Люди поднимались со своих мест, многие не скрывали слез. Это были слезы облегчения и понимания того, что выход из тупика существует, и он находится гораздо ближе, чем им казалось.

Поздним вечером Елена и Виктор шли по набережной Лейтенанта Шмидта. Шторм окончательно утих, оставив после себя чистый, прозрачный воздух, пропитанный запахом близкого моря. Нева катила свои темные, спокойные воды под разведенными мостами, в которых отражались огни большого города.

Елена шла, засунув руки в карманы пальто, и смотрела на то, как свет фонарей дрожит на мокром граните. Она чувствовала приятную, легкую усталость человека, который завершил долгий и трудный путь.

— Твое выступление было прекрасным, Елена, — тихо произнес Виктор, нарушая молчание. — Я видел лица этих людей. Ты дала им то, чего не может дать ни один суд — надежду и понимание.

— Мы дали им это вместе, Виктор, — ответила она, поворачиваясь к нему. — Без твоего расследования, без твоей веры в справедливость мы бы никогда не смогли пробить эту стену. Мы заставили систему отступить.

— На время, — Виктор улыбнулся своей спокойной, следовательской улыбкой. — Они вернутся. Международная сеть FECRIS и их местные агенты влияния не простят нам этого поражения. Они будут искать новые способы контроля, новые юридические лазейки.

— Пусть ищут, — Елена посмотрела на небо, где сквозь разорванные тучи проглядывали первые холодные звезды. — Теперь мы знаем их методы. Мы научили людей видеть скрытые нити этой паутины. А человека, который научился видеть манипуляцию, уже невозможно загнать обратно в цифровой концлагерь.

Они остановились у самого края гранитного парапета. Где-то далеко, на другом берегу реки, в окнах жилых домов загорались и гасли теплые огни. В этих домах засыпали дети, защищенные теперь не программами родительского контроля, а простым, искренним разговором с родителями, который состоялся сегодня вечером благодаря их борьбе.

Елена достала из кармана телефон. Экран тускло светился в темноте, отображая десятки пропущенных вызовов и сообщений. Она посмотрела на него несколько секунд, а затем решительным движением нажала кнопку выключения. Экран погас, превратившись в обычный кусок черного стекла, в котором отражалось бескрайнее, свободное небо над их головами.